

Р. Н. Кривко

Древнерусская версия кондака вмч. Димитрию Солунскому и её южнославянские параллели

Благодаря исследованиям последних двух десятилетий надёжно установлены как минимум два этапа в истории церковнославянской литургической поэзии византийского обряда с конца девятого — начала десятого до середины одиннадцатого века: 1) раннедревнеболгарский и 2) древнерусский, связанный с введением на Руси богослужебного Устава патриарха Алексия Студита и проведённой в русле этой литургической реформы sprawy гимнографических книг¹.

Статья написана по материалам и результатам исследовательского проекта «Язык древних церковнославянских литургических памятников», выполнявшегося в 2009–2010 гг. на Семинаре славянской филологии Университета им. Георга-Августа в Гёттингене при поддержке Фонда им. Александра фон Гумбольдта. За любезное приглашение в Гёттинген и за помощь, оказанную при работе в Германии, приношу искреннюю признательность проф. д-ру Вернеру Лефельдту. Упомянутые в статье рукописи из собрания афонского монастыря Зограф предварительно изучались среди других рукописей Афона в августе–сентябре 2008 г. во время летней стипендии, предоставленной Центром исследований славянского Средневековья — Хиландарской исследовательской библиотекой Университета штата Огайо (Колумбус, Огайо, США). За помощь в организации работы в США благодарю директора Хиландарской библиотеки д-ра Предрага Матейича и проф. д-ра Вильяма Федерера. Зографские рукописи цитируются в данной статье по ксерокопиям с микрофильмов, предоставленным Хиландарской исследовательской библиотекой Университета штата Огайо.

¹ Раннедревнеболгарский период славянской гимнографии представлен прежде всего оригинальной древнеболгарской литургической поэзией, основные работы о которой написаны С. Кожухаровым [см. сборник статей: Кожухаров 2004] и Г. Поповым [библиографию Г. Попова см. в сборнике: Попов 2010: 13–20]; см. затем библиографию оригинальных древнеболгарских гимнов Триоди, Октоиха и Минеи [Станчев, Йовчева 2003: 109–112]. О древнеболгарской гимнографии в составе Требника см. [Турилов 2006а]. См. затем основные работы, посвящённые древнерусскому студийско-алексиевскому корпусу [Сергий I: 208–210; Момина 1992; Пентковский 2001].

В начале первого периода в Первом Болгарском царстве во время правления хана Бориса, в крещении Михаила (852–889, † 907) и царя Симеона (893–913 [князь, или хан], 913–927 [царь]) трудами учеников Кирилла и Мефодия, в первую очередь Климентом Охридским († 916 г.) и Константином Болгарским, или Преславским (точные даты жизни которого неизвестны), были созданы оригинальные древнеболгарские богослужебные гимны — каноны и циклы стихир, вошедшие в состав Постной и Цветной Триодей², праздничной и общей Минеи, Октоиха и Требника. Систематическое изучение оригинальной древнеболгарской гимнографии было ознаменовано основополагающими работами С. Кожухарова и Г. Попова и продолжено целым рядом исследователей, которые установили, что «<t>ворчество учеников Кирилла и Мефодия в этой области затронуло едва ли не все типы богослужебных книг» [Турилов 2000: 153] и «явно носило не окказиональный, а четко выраженный программный и планомерный характер» [Турилов, Флоря 2002: 417, и далее: 418–419]. Оригинальные древнеболгарские песнопения уже в древнейшую эпоху сопровождались переведёнными с греческого важнейшими гимнами подвижного и неподвижного круга: первые «славянские переводчики [богослужебной поэзии. — *Р. К.*] были одновременно и создателями оригинальных гимнографических произведений» [Пентковский 2007: 23–24]. Важнейшим свидетелем по древнейшей истории текста переводной славянской гимнографии является праздничная Минея из собрания РГАДА, ф. 381 (Тип.), № 131, известная как Ильина книга, отражающая архаический древнеболгарский («допреславский») языковой узус³.

Основными источниками по древнеболгарской богослужебной поэзии раннего периода являются среднеболгарские и древнесербские рукописи XIII–XIV вв., хотя и древнерусская письменность содержит весомый пласт древнеболгарского гимнографического наследия (основные работы: [Йовчева 2002; Турилов 2006]). «Набор оригинальных славянских гимнографических текстов IX–X вв., представленный древнерусскими списками, восходит по всей очевидности к корпусу, бытовавшему в Восточной Болгарии до византийского завоевания, в значительной мере отражая его специфику на середину X в. [...] в этом отношении ситуация с Октоихом существенно отличается от ситуации минейной» [Турилов 2006: 26, 27]. В силу особой значимости

² См. примечание 1 и работы: [Флоря 2000: 8–12, 19–20; Турилов, Флоря 2002: 402–403].

³ Основная работа, в которой доказано соответствие древних языковых черт Ильиной книги архаическим содержательно-типологическим особенностям этой праздничной Минеи: [Верещагин, Крысько 1999а–б]; издания: [Крысько 2005; Верещагин 2006].

восточнославянской традиции для гимнографии недельного круга, собранной в Октоихе, именно древнерусские рукописи были положены в основу выполненного на высоком уровне научного издания гимнов Октоиха, написанных свт. Климентом Охридским [Крашенинникова 2006]. Немногим позднее выхода в свет критического издания древнеболгарского Октоиха Климента Охридского было доказано, что полный Октоих, основанный на переводных византийских гимнах, с двумя канонами на каждый день, нужный для ежедневного богослужения монастырского типа, был создан в поздне- или даже в послесимеоновскую эпоху [Йовчева 2008]. Таким образом, для Октоиха устанавливается наличие как минимум двух типов текста, сложившихся в древнеболгарский период: 1) архаичный Октоих свт. Климента Охридского и 2) Октоих с двумя канонами на каждый день недели [Йовчева 2008]. Пока неясно, как следует рассматривать служебный Шестоднев, представляющий собой краткий Октоих (на каждый день недели имеется канон только одного гласа) и сохранившийся только в древнерусской традиции. Согласно М. Йовчевой, он представляет собой сокращённую на славянской почве версию полного Октоиха [Йовчева 2008]⁴. Однако у древнерусского служебного Шестоднева имеется архаичный византийский прототип, сохранившийся в единственной известной рукописи IX века [Крашенинникова 2006: 321–333], в связи с чем заслуживает самого серьёзного внимания альтернативный вывод: «Не позднее конца X — начала XI века одна из редакций основного комплекта книг, связанных с Осмогласием, — Изборного Октоиха, Параклитика и Шестоднева с праздниками — была перенесена из Болгарии в Древнюю Русь. Если бы Октоих был заимствован из Болгарии в XI веке, на Русь пришли бы совершенно иные, более поздние его

⁴ Древнейшая рукопись, содержащая служебный Шестоднев, — Кодекс Ганкенштейна XIII в. (Österreichische Nationalbibliothek [Wien], cod. Vind. slav. 37). Эта рукопись — универсальный богослужебный сборник, который включает в себя, кроме краткого Октоиха, Апостол, Евангелие Апракос, переводную праздничную Минею, общую Минею Климента Охридского и песнопения малых жанров (воскресные кондаки, стихиры, седальны, блаженны). Праздничная Минея написана на полях более поздним почерком XIV в. Рукопись издаётся: [Birkfellner II (литература в предисловии), II; Камп 2010 (книга А. Кампа на момент написания этих строк мне недоступна)]. Об истории общей Минеи Климента Охридского, в том числе в составе Кодекса Ганкенштейна, и издание её текста см.: [Станчев, Попов 1988: 135–144, 189–210]. Описание состава рукописи см.: [Станчев, Попов 1988: 139–140; см. затем: Marti 1989: 203 (литература)]. В связи с тем, что хранящийся в Вене Кодекс Ганкенштейна содержит в своём составе особую версию Октоиха, или служебный Шестоднев, памятник первоначально вошёл в историческую русистику под названием «Венского Октоиха» [Соболевский 2004/1884: 18–20 (первая пагинация), комментарий: Крысько 2004: 5].

типы — это были бы полные Октоихи литургического типа [...], с большим удельным весом песнопений Иосифа и определяющим влиянием норм Студийского устава. Бытование на Руси сборников архаического строения с обширным славянским репертуаром свидетельствует о том, что эти виды книг были перенесены на Русь в очень ранний период — по-видимому, вскоре после ее Крещения кн. Владимиром и не позднее 1037 г.» [Крашенинникова 2006: 381–382].

Наличие как минимум двух разных исторически обусловленных типов Октоиха в древнеболгарский период в целом соответствует основной тенденции развития Триоди. «В настоящее время М. А. Момина предполагает существование двух переводов Триоди, выполненных в Болгарии не позднее X в. [...]». На материале служебных Миней ситуация не столь показательна. [...] ⁵ Положение [...] затрудняется отсутствием для миней своеобразного контрольного (или эталонного) экземпляра ввиду плохой сохранности древнейшей южнославянской традиции» [Турилов, Флоря 2002: 419–420]; об истории славянской Триоди см. [Molina 2004 (основная и обобщающая работа)]; несколько иначе [Попов 1985].

Определению того, как и почему менялись язык, состав и содержание богослужебных книг Первого Болгарского царства в эпоху после смерти учеников Кирилла и Мефодия и в каком объёме древнеболгарская переводная гимнография в особенности неподвижного (минейного) круга была использована при составлении древнерусского студийско-алексиевского корпуса, были посвящены несколько работ в течение последнего десятилетия, анализ которых здесь не входит в наши задачи ⁶. Отметим лишь, что общепринятое мнение относитель-

⁵ В связи с проблемой нескольких пластов sprawy в составе древнерусского студийско-алексиевского корпуса едва ли стоит принимать во внимание наличие многократных переводов одного и того же канона, исполнявшегося в разные дни церковного календаря (о таких случаях см. [Турилов, Флоря 2002: 420] (ранняя литература); см. затем [Мурьянов 2003: 222–249; Stern 2002; Christians 2006]). Нужно отличать многократные переводы одного и того же канона, исполняемого в разные дни, или, например, одних и тех же богородичных тропарей в составе разных канонов от sprawy одних и тех же текстов в составе одной и той же службы одного дня. Так, двукратный перевод канона Максиму Исповеднику в службах 21-го января и 13-го августа свидетельствует о несогласованности в действиях разных переводчиков и составителей полного корпуса повседневных служебных Миней в пределах одной исторической эпохи. Напротив, об исторически обусловленных ступенях sprawy свидетельствует наличие трёх версий рассматриваемого в этой статье кондака вмч. Димитрию, которые все встречаются в рукописях заведомо разных ветвей традиции, однако в службе одного и того же дня.

⁶ Укажем лишь новейшие исследования по данному вопросу, в котором представлен самый полный обзор имеющихся точек зрения: [Йовчева 2008; Христова-Шомова 2009, 2010].

но развития древнеболгарской переводной и в особенности минейной гимнографии позднесимеоновской и «петровской» эпохи⁷ всё ещё отсутствует. По-прежнему недостаточная «изученность вопроса в историографии (как филологической, так и исторической) имеет несколько причин. В рамках исследования литературы Первого Болгарского царства как целостного корпуса [...] переводы постсимеоновского времени исследовались лишь в отношении традиции, условно определявшейся как „богумильская“ (апокрифические тексты). Памятники переводной гимнографии в качестве литературы долгое время практически вообще не рассматривались» [Турилов, Флоря 2002: 416] (там же ссылки на красноречивое молчание справочно-библиографических изданий стран социалистического лагеря).

История древнеболгарской, оригинальной и переводной, служебной Миней представляет собой до сих пор окончательно не решённую проблему, сложность которой в значительной степени обусловлена состоянием источниковой базы. Действительно, в составе старославянского «канона», который включает в себя памятники, датируемые не позднее XI в., гимнография византийского обряда отсутствует. Древнейшие с палеографической точки зрения южнославянские гимнографические памятники датируются временем не ранее рубежа XI–XII вв., причём, за единственным исключением, эти памятники представляют собой, как правило, не поддающиеся историко-типологической классификации фрагменты объёмом в несколько тропарей⁸.

При таком состоянии источников для истории древнеболгарских служебных Миней особую важность имеют ранние с точки зрения палеографии и архаичные в языковом и структурном отношении восточнославянские Путятина Миней (РНБ, Соф. 202, XI в.) [Мурьянов 1998–2000; Щеголева 2001; Баранов, Марков 2003] и типологически и лингвистически ещё более древняя Ильина книга (РГАДА, Тип. 131, XI–XII вв.) [Крысько 2005; Верещагин 2006]. Правда, относительно Ильиной книги было замечено, что эта рукопись «содержит уже явно контаминированный пласт» [Турилов, Флоря 2002: 420], о чём свидетельствует не только «наличие комбинированного канона на Успение,

⁷ Едва ли допустимо предполагать составление перевода полного годового комплекта служебных Миней в эпоху после Петра (927–30.1.969): «Западнoболгарское царство Комитопулов, на протяжении всего своего существования в последней трети X — первой четверти XI в. непрестанно воевавшее с Византией, было малоподходящим местом для масштабных переводов литургических текстов с греческого языка» [Турилов, Флоря 2002: 420].

⁸ См. перечень древнейших рукописей, преимущественно фрагментов, и подробные сведения о единственном пространном новооткрытом фрагменте-палимпсесте XII–XIII вв. в новейшей публикации: [Христова-Шомова 2009a]. См. примеч. 17.

включающего отдельные тропари Климента Охридского» [Турилов, Флоря 2002: 420, примеч. 65] и входящего в дополнительную часть этой праздничной Минеи [Верещагин, Крысько 1999а: 24; Крысько 2005: 613], но и полное отсутствие следов канона Рождеству Христову Константина Преславского (об этом каноне см. [Верещагин 1997, 1999; Попов 1997, 1998]). Это доказывает редактирование по греческим источникам и сознательное, хотя и неполное, устранение раннедревнеболгарского пласта оригинальной гимнографии при составлении Ильиной книги или одного из её южнославянских прототипов⁹.

При отсутствии «эталонных» рукописей — свидетелей развития древнеболгарской переводной, в частности, минейной гимнографии эпохи после учеников Кирилла и Мефодия для реконструкции утраченных звеньев древнеболгарской традиции особое значение имеют среднеболгарские и древнесербские рукописи ранних изводов, предшествовавших появлению афонско-тырновской, или «иерусалимской» (точнее, новосавваитской), традиции. Важность южнославянских рукописей для описания достудийско-алексиевской древнеболгарской переводной гимнографии была доказана в известной работе М. А. Моминой [Момина 1992], впервые опубликованной по-немецки [Momiņa 1990]. Основными выводами этого основополагающего для современного этапа изучения славянской переводной гимнографии исследования стали следующие: во-первых, древнерусские певческие одножанровые сборники Ирмологий, Кондакарь и Стихирарь содержат ту же редакцию перевода ирмосов, кондаков и стихир, что и восточнославянские студийско-алексиевские служебные Минеи, во-вторых, представленный в этих певческих сборниках и Минеях перевод представляет собой выполненную на основе греческого оригинала переработку древнеболгарского перевода, который сохранился в среднеболгарских и древнесербских служебных Минеях. Тем самым в гимнографии неподвижного годового круга, вошедшей в состав древнерусских и южнославянских служебных Минеи и моножанровых певческих сборников XI–XIV вв., М. А. Моминой были установлены две редакции X–XI вв., о которых шла речь в начале статьи: древнерусская студийско-алексиевская XI в., представленная восточнославянскими гимнографическими сборниками, и неопределённая «древнеболгарская X в.», представленная среднеболгарскими и древнесербскими полными повседневными и праздничными Минеями XIII–XIV вв.

⁹ Устранение оригинальных древнеболгарских гимнов в Ильиной книге не было последовательным, благодаря чему в рукописи всё же сохранились алфавитные стихиры Рождеству Христову, зачала которых образуют глаголический алфавит [Крысько 2005: 352–372].

Наблюдения М. А. Моминой над Ирмологием были дополнены и уточнены в работах Л. Матейко. Им было установлено, что в славянской традиции до XIV в. представлены две версии ирмосов, с разной степенью точности передающие греческий оригинал. Обе версии сохраняются как в южнославянских, так и в древнерусских рукописях, однако более свободная версия перевода в восточнославянской традиции содержится только в служебных Минеях не позднее рубежа XI–XII вв., а именно в Ильиной книге и Путятиной Минее. Другая, более близкая оригиналу, версия также известна и в южнославянской, и в древнерусской традициях; она же представлена в восточнославянских Ирмологиях и служебных Минеях студийско-алексиевской редакции. При этом если Ильина книга содержит только «более свободную» версию перевода ирмосов¹⁰, то Путятина Миней и Миней студийско-алексиевского корпуса содержат обе версии [Матейко 2003, 2007]. Тем самым было доказано, что первоначальная версия древнеболгарских ирмосов прежде, чем попасть в древнерусскую гимнографию студийско-алексиевской традиции, была отредактирована на древнеболгарской почве. В состав древнерусских Ирмологиев и студийско-алексиевских служебных Миней XII–XIV вв. вошли преимущественно те ирмосы, перевод которых пословно передаёт греческий оригинал¹¹.

Позднее было установлено, что, помимо многочисленных оригинальных древнеболгарских гимнов, засвидетельствованных преимущественно южнославянскими рукописями XIII–XIV вв., и единичных архаичных особенностей состава (в частности, интерполяция второй песни в изначально восьмипесенный канон, кроме византийской архаической и периферийной традиций, представлена только в южнославянской гимнографии), некоторые южнославянские праздничные Миней сохраняют многочисленные архаические чтения древнейшего перевода, засвидетельствованные в том числе Ильиной книгой и отличающиеся от Миней студийско-алексиевской традиции [Йовчева 2008: 203–223]. Кроме того, в южнославянской традиции полной, или повседневной, служебной Миней содержится представительный ряд чтений, которые не совпадают ни с архаическим пластом, ни с древнерусским [подробно: Йовчева 2008: 207–208], что, казалось

¹⁰ См. о других, южнославянских, источниках, подобных в этом отношении Ильиной книге: [Матейко 2007].

¹¹ Ср., однако, интересную статью, посвящённую метрике некоторых ирмосов в составе древнерусской редакции Ирмологии, перевод которых в отдельных случаях допускает существенные отклонения от пословной передачи оригинала в пользу воспроизведения или переработки его метрической структуры: [Hahn 1968].

бы, должно быть признано решающим доказательством существования полной Минеи уже в эпоху Первого Болгарского царства.

Учитывая бóльшую языковую и типологическую архаичность праздничной Минеи — Ильиной книги — по сравнению даже с повседневной Путятиной Минеей, не говоря уже о службах полного студийско-алексиевского корпуса [Верещагин, Крысько 1999а–б], нужно признать, что составление полной повседневной славянской служебной Минеи происходило после того, как на славянской почве появилась Минея праздничная. Для суждения об объёме повседневной древнеболгарской служебной Минеи особое значение имеют последние работы И. Христовой-Шомовой [Христова-Шомова 2009, 2010], которая выявила в некоторых южнославянских повседневных полных служебных Минеях XIII–XIV вв. такую редакцию перевода, которая во многом соответствует студийско-алексиевским Минеям, опубликованным В. Ягичем. Тем самым в составе древнеболгарского гимнографического корпуса устанавливается наличие полных служебных Минеи на осенние месяцы, а не только на май (майская часть представлена Путятиной Минеей).

В работах болгарских палеославистов [Йовчева 2008; Христова-Шомова 2009, 2010] сложился метод изучения древних звеньев переводной минейной гимнографии Первого Болгарского царства на основе сравнительного изучения разных славянских версий — переводов или редакций перевода — одного и того же греческого текста, содержащихся в древнерусских и среднеболгарских и древнесербских рукописях. До сих пор, однако, с должной серьёзностью не принималось во внимание то, что южнославянские гимнографические рукописи XIII–XIV вв. содержат большое количество вторичных чтений, испорченных или переосмысленных без влияния греческого оригинала. Наличие таких позднейших напластований, требующих лингвистической критики рукописного материала, убедительно показано в работах, посвящённых реконструкции гимнографического канона Кириллу Философу [Крысько 2010, 2010а (см. там же ссылки на более ранние публикации на эту тему)]. Благодаря этим исследованиям стало ясно, что метод сравнительного изучения нескольких славянских версий одного греческого гимна усложняется необходимостью не только фиксировать общие или различные чтения между списками, группами списков и редакциями, но и осуществлять лингвистическую реконструкцию и критику текста, то есть определять причины появления разночтений, восстанавливать архетип и его более поздние редакции. Дополнительной задачей в решении этой проблемы является привлечение засвидетельствованных или возможных разночтений греческого текста.

Для установления ранних этапов истории текста славянской гимнографии необходимо привлекать такие содержащиеся в древнерусских и среднеболгарских и древнесербских служебных Минеях тексты, которые содержат разные славянские версии (редакции или переводы) одного и того же греческого оригинала, с учётом разночтений в тексте этого оригинала. Наличие одной и той же версии перевода в южнославянских и древнерусских источниках для ранней истории является непоказательным: такое совпадение может означать либо то, что данный перевод был воспринят в древнерусскую традицию из древнеболгарской без изменений или же попал в среднеболгарскую или древнесербскую традицию в результате первого восточнославянского влияния (оба объяснения имеют свои методологические трудности). Для сравнения допустимо использовать только те южнославянские источники, которые являются типологически более ранними, чем служебные Минеи «иерусалимского» типа. Достоверное установление архаических текстологических пластов X в. в среднеболгарских и древнесербских служебных Минеях возможно лишь в том случае, если из этих текстов будет устранён пласт позднейших переосмыслений и искажений, свойственных южнославянским гимнографическим рукописям XIII–XIV вв.

В данной статье предлагается метод решения этих задач на материале трёх славянских версий одного песнопения — кондака вмч. Димитрию Солунскому. В силу ограниченности материала целью статьи является не столько изучение самого текста кондака, который представляет собой частный случай («ещё один список...» или «ещё один текст...»), непоказательный в силу своей единичности для истории корпуса текстов, сколько выработка метода лингвотекстологической реконструкции утраченных звеньев древнеболгарской переводной гимнографической традиции при отсутствии древних источников — непосредственных свидетелей этой традиции, в сравнении с известными и доступными греческими оригиналами.

Славянские кондаки известны прежде всего благодаря изданиям древнерусских Кондакарей, которые представлены только в восточнославянской традиции — сохранилось несколько таких рукописей, датированных XI–XIII вв.¹² В южнославянской традиции Кондакари от-

¹² ГТГ (Государственная Третьяковская галерея), К-5349, XI–XII вв. [изд.: Уст. Тип. I–III; описание: Каталог 1984: 88–89, № 50]; РГБ (Российская Государственная библиотека), ОИДР 107 и РНБ (Российская Национальная библиотека), Пог. 43, XII в. (две части одной рукописи; Каталог 1984: 150–151, №№ 124, 125); РНБ, Q п I 32 и ОГНБ — ОДНБ (Одесская Государственная научная библиотека — Одеська державна наукова бібліотека), Григ. № 1/93 (1 л.) (две части одной рукописи), «Благовещенский / Нижегородский Кондакаръ», (к. XII?) — нач. XIII в. [изд.: Бражников 1955; К II; описание: Каталог 1984: 170–172, №№ 153, 154]; РГБ, ф. 304/1 (ТСЛ), № 23, «Троицкий / Лаврский

сутствуют, подобно двум другим нотированным певческим сборникам, Ирмологию и Стихирарю [Момина 1992: 201]¹³. Древнерусские Кондакари изучены прежде всего с музыковедческой точки зрения¹⁴. Лингвистическое направление в исследовании древнерусских Кондакарей представлено классической работой Б. А. Успенского [1973/1997], исследованиями и изданиями Ф. Келлера [Keller 1973, 1977, 1978, 1981], комментированным изданием Типографского Устава [Уст. Тип. I—III] и дальнейшими наблюдениями рецензента над языковыми особенностями этого памятника и замечаниями относительно ряда издательских решений [Крысько 2008]. Текстология славянских кондаков свидетельствует о том, что их древнерусская редакция, представленная в Кондакарях и служебных Минеях, сложилась в связи со студийско-алексиевской литургической реформой XI в. [Momina 1990, Момина 1992]¹⁵ в результате сверки по другим греческим оригиналам более ранней древнеболгарской редакции [Rothe 1988, 1993; Momina 1990, Момина 1992]. Остаётся неясным, была ли эта редакция единственной в эпоху Первого Болгарского царства.

Славянские версии кондака вмч. Димитрию Солунскому рассматриваются по следующим источникам.

Кондакаръ», к. XII — XIII вв. [изд.: Myers 1994; описание: Каталог 1984: 227–228, № 204]; ГИМ (Государственный исторический музей), Усп. 9, «Успенский Кондакаръ», 1207 г. [изд.: Bugge 1960; описание: Каталог 1984: 193–194, № 173]; ГИМ, Син. 777, XIII в. [Каталог 1984: 229, № 205]; критическое издание древнерусских Кондакарей: [К II–VII]; см. также: [Keller 1977, 1978, 1981 (последняя статья — музыковедческое исследование фрагмента Кондакаря, лл. 72 об. — 72 об., в древнерусском Октоихе XIII–XIV вв. РНБ, Соф. 122)].

¹³ «Весьма показательно отсутствие этих книг в сербских списках XIII–XIV вв., в целом лучше сохраняющих древнейшую традицию, чем болгарские. Кондакаръ (ненотированный), помещенный в дополнении к сербскому Прологу нач. XIV в. (ГИМ, Хлуд. 189, лл. 251–282), явно восходит к русскому списку, т. к. включает в себя песнопения Борису и Глебу и на перенесение мошей Николы. Рукопись НБКМ № 898 названа Ирмологием по ошибке, т. к. из описания следует, что это Октоих <...>. Болгарский Энинский Стихирарь второй половины XIV в. <...>, в сущности, представляет Праздничную Минею <...>. Особое место занимает достаточно экзотический и древний Парижский Стихирарь кон. XII — нач. XIII в. <...>, содержащий только стихиры на 1–14 сентября, написанные на полях греческого сборника сочинений Платона <...>. Нотированные <...> южнославянские рукописи почти отсутствуют. До XIV в. можно указать лишь отдельные песнопения» [Турилов 2000: 129].

¹⁴ Новейшие работы: [Владышевская 2006, 2007; Пожидаева 2007: 149–187; Myers 2009; Floros 2009; Hannick 2009].

¹⁵ Исследование и издание Устава патриарха Алексия Студита: [Пентковский 2001]. Общность редакции древнерусских кондаков в составе Кондакарей и студийско-алексиевских служебных Минея прослеживается в критическом аппарате изданий [К III–V (минейная часть), MD I–V, MF I–IV].

В качестве представителя древнерусской студийско-алексиевской редакции кондака вмч. Димитрию выбраны древнерусские Кондакари, которые цитируются по сводному изданию [К III 130–133]. Основной текст, опубликованный в этом издании [К III 130–133] и воспроизводящийся в данной публикации, сверен по фототипическому и наборному текстам в публикации Типографского Устава [Уст. Тип. I, л. 35–36; II 95–96]. Текст, представленный в Кондакарях, засвидетельствован также в древнейшей славянской служебной Минее на октябрь (1096 г.), изданной В. Ягичем [Ягич 1886: 180]. Все эти источники учтены в сводном издании древнерусских Кондакарей [К III 130–133], отмеченные издателями разночтения рассматриваемого текста не затрагивают лексику и грамматику. В изданных В. Ягичем Минеех одно грамматическое разночтение всё же имеется, хотя в издании [К III 132] оно не отмечено (см. разночтения к публикуемому ниже тексту и дальнейшие комментарии). Разночтения к древнерусской версии приводятся по изданию В. Ягича [Ягич 1886: 180] и двум южнославянским рукописям. Эти южнославянские источники среднеболгарского языкового извода по составу разночтений образуют группу, близкую к древнерусской версии, однако отличающуюся от неё некоторыми значимыми вариантами: *Пм72* и *ДМ*. Обе рукописи представляют собой праздничные Минееи на весь год, датируемые XIII или XIV вв. (см. библиографические данные в списке источников). Службы, в наиболее пространном варианте, включают в себя стихиры, каноны с седальными после третьей песни и кондаки с икосами после шестой песни, сопровождаемые чтениями из нестишного Пролога. В состав *Пм72* и *ДМ* включены перикопы из Священного Писания. Песнопения и четьи тексты в *Пм72* и *ДМ* расположены согласно порядку следования в богослужении. В обеих рукописях имеются пространные литургические указания, описывающие состав изменяемых частей утреннего и вечернего богослужения и литургии.

Особая версия кондака вмч. Димитрию содержится в *Ск*, среднеболгарской праздничной Минее XIII в., которая по составу и расположению гимнографических жанров и четьих текстов (нестишной Пролог и Св. Писание) не отличается от группы *Пм72* и *ДМ*. Различия между группой *Пм72=ДМ* и *Ск* касаются не расположения текстов, а их содержания, что будет показано далее. Версия кондака, совпадающая с *Ск*, содержится также в *Зогр53*, одной из самых ранних древнесербских служебных Минеей, рашского извода, датируемой первой половиной XIII в. По составу гимнографических жанров и по их расположению эта рукопись почти не отличается от древнерусских студийско-алексиевских служебных Минеей. Службы в их полном виде в *Зогр53* включают в себя стихиры, седальны и канон, которые, как

правило, расположены именно в таком, то есть пожанровом, а не богослужебном порядке. Пожанровое расположение гимнов соответствует наиболее раннему этапу развития служебной Минеи как типа сборника¹⁶. Исключением из пожанрового принципа расположения песнопений является позиция седальна, который, в соответствии с богослужебным порядком, иногда помещается после третьей песни канона, что является инновацией в истории и типологии служебных Миней. Ещё одной такой инновацией является отсутствие вторых песней, во множестве известных в древнерусской студийско-алексиевской традиции [Мурьянов 2003: 395–400]. Важнейшими архаическими структурными особенностями *Зоґр53* являются, во-первых, отсутствие тропарей праздника (или «отпустительных тропарей», исполняемых в конце утрени), во-вторых, наличие светильнов, которые отсутствуют в студийско-алексиевских Минеях, но представлены, например, в палимпсесте, описанном И. Христовой-Шомовой [Христова-Шомова 2009]¹⁷, и, в-третьих, состав и количество кондаков, в особенности способ их расположения и записи в памятнике.

В *Зоґр53* содержатся пять кондаков, три из которых являются интерполяциями в первоначально написанный текст. Это означает, что славянскими источниками *Зоґр53* были рукописи — свидетели как минимум двух ветвей славянской традиции, причём в одном из этих источников не было кондаков. Полагаем, что эта особенность источника *Зоґр53* восходит к византийскому образцу (более уверенное суждение о византийском образце рукописи типа *Зоґр53* невозможно в рамках данной статьи, в которой не может быть решена и не ставится задача историко-типологической классификации славянских и византийских служебных Миней)¹⁸.

На л. 64 *Зоґр53* помещены кондак, икос и светилен ап. Анании. В нарушение всякого порядка эти тексты помещены перед службой апостола, которая записана на оборотной стороне листа (л. 64 об.) *ad diem* первого октября; кондак, икос и светилен в основном тексте службы отсутствуют. Тексты на лицевой стороне л. 64 написаны другим, более крупным, почерком по сравнению с предшествующими (до л. 63 об.) и последующими (л. 64 об. и далее) листами, очевидно, для того, чтобы

¹⁶ В византийском Тропологии младшей разновидности, в отличие от более поздних Миней, принят, напротив, только богослужебный порядок расположения песнопений [Кривко 2008: 56, 83–84].

¹⁷ Нижний слой, содержащий служебную Минею, датирован А. А. Туриловым XII–XIII вв. (в рецензии на настоящий сборник).

¹⁸ Об отсутствии кондаков в архаических Минеях и Триодях: [Παλαδόπουλος-Κερασεύς 1894: 360; Суботин-Голубовић 1995: 444; Momina 2004: 220, 248–249; Кривко 2008: 74–77].

как можно больше заполнить лицевую сторону л. 64, на которой других записей нет. После службы 31-го ноября, вне даты, на лл. 126 об. — 129, другим почерком, чем основной текст, написан знаменитый канон мч. Димитрию Солунскому (память — 26-го октября) *От мглы лютыя и невеждества избави ны*, авторство которого часто приписывается свт. Мефодию Солунскому и греческий оригинал которого в византийской традиции неизвестен. После третьей песни этого канона помещён седален, а после шестой — кондак и икос, являющиеся предметом данной статьи. Вслед за канонем мч. Димитрию Солунскому тем же почерком на лл. 129–131 об. записан канон архангелу Михаилу (память — 8-го ноября) *Икоже дрѣвле прѣркъ рѣ . ста во рѣ противоу / язъкоу миханле Зогр53*, л. 129, также с седальном после третьей песни и с кондаком после шестой. («Кондаком» это монострофное песнопение является только согласно заглавию: на самом деле это первый икос кондака арх. Михаилу. Смешение строф и терминов является дополнительным доказательством чужеродности кондака в *Зогр53* и в одном из её прототипов.) Греческий оригинал этого канона неизвестен: предполагаемое зачало * *Ὁς πάλα (ὁ) προφήτης* etc. отсутствует в справочнике Э. Фоллиери [Follieri V/1: 196–197] и среди зачал неопубликованных канонев арх. Михаилу и Силам Бесплотным [Παλαηλοπούλου-Φωτοπούλου 1996: 82–88]. Зачало *Икоже дрѣвле прѣркъ рѣ . ста во рѣ противоу / язъкоу миханле Зогр53*, л. 129, тематически соотносится с третьим тропарём канона арх. Михаилу Константина Преславского, опубликованного С. Кожухаровым по праздничной Скопльской Минее (*Ск 37 об.*): *Тыи также прѣркъ прорѣ дрѣв'ле. славьныи Миханле. ста борсаа противъ язъкоу вез'божьноу* [Кожухаров 1983/2004: 49]. Не только кондак, икос и светилен ап. Анании, но и службы мч. Димитрию и арх. Михаилу написаны другим почерком, чем основной текст. После канона арх. Михаилу, на л. 132 об., начинаются службы на ноябрь, написанные основным почерком.

Важнейшей особенностью состава *Зогр53* является редчайший древнеболгарский канон ап. Андрею Первозванному (память — 30-го ноября) Наума Охридского, единственное известное гимнографическое произведение этого автора, дошедшее до нас в двух списках и впервые опубликованное С. Кожухаровым по *Зогр53* [Кожухаров 1984/2004: 33–44] (второй источник канона ап. Андрею Первозванному — праздничная Минея *Хл166* [Попов 1994; 2003]). Канон завершает собой ноябрьские службы и саму Минею *Зогр53*, однако его расположение необычно и тем самым подобно описанным выше интерполяциям. Канон Наума Охридского помещён после переводного канона ап. Андрею. Такое расположение само по себе нормально для *Зогр53*. После третьей песни канона имеется седален, кондак и икос отсутствуют. Однако исключительной особенностью *Зогр53* является то, что песно-

пения малых жанров помещены после канона, а не перед ним: «Подир канона намираме светилен, 3 стихири на IV глас [...], кратка стихира с надпис ѣ, което вероятно е означение на I глас, и сѣѣра: г҃ла . ѿ :—, която най-вероятно изпълнява функцията на „слава“ по отношение на предходния цикъл хвалитни стихири. Добавените след канона светилен и стихири недвусмысленно подсказват, че пред нас не е отделен канон, както би следвало да очекваме от надписанието му, а непълна служба, от която липсва вечерният дял, а утринният е пълен» [Кожухаров 1984/2004: 36]. Расположение малых жанров — стихир — после канона дало С. Кожухарову основание утверждать, что они образуют завершающую часть службы и представляют собой стихиры, исполняемые после возгласа «хвалите Господа», или так называемые «хвалитные стихиры», они же «стихиры на хвалитех» (εἰς τοὺς αἶψους). Однако заглавие у сохранившихся стихир отсутствует, кроме того, других случаев расположения стихир «на хвалитех» в *Зогр53* нет, следовательно, перед нами — пример редкого и архаического на славянской почве «обратного» расположения жанров в составе службы, согласно которому канон предшествует стихирам¹⁹.

Описанные интерполяции образуют однородную с историко-литературной точки зрения группу текстов: канон мч. Димитрию Солунскому и канон ап. Андрею связаны с древнейшим периодом развития славянской гимнографии. Канон арх. Михаилу не имеет греческого оригинала и содержит как минимум одну межтекстовую параллель с каноном арх. Михаилу Константина Преславского, что требует дальнейших разысканий в области истории и критики текста *Зогр53*. Обобщая эти особенности *Зогр53*, С. Кожухаров писал: «Тук можем да наблюдаваме как проникват новите, славянските произведения в [...] преводни химнографски сборници» [Кожухаров 1984/2004: 35–36]. Выражаясь точнее, «славянские произведения», созданные в русле древнеболгарской литературной традиции, оказались парадоксальным образом не включены в первоначальный основной текст *Зогр53* и были вписаны позднее, очевидно, на специально для этого оставленных пустых страницах. То же касается и кондаков, которые отсутствовали в одном из славянских прототипов или в византийском образце *Зогр53*. Такое расположение переводных и оригинальных текстов, а также кондаков, доказывает, что *Зогр53* составлялась на основе как минимум двух типологически и исторически разнородных антиграфов.

¹⁹ К числу Миней с «обратным» расположением жанров относятся Путятина Минея, Ильина книга, Битольская Триодь, служба Борису и Глебу в служебной Минее на июль (РГАДА, ф. 381 [Тип.], № 121, XI–XII вв.), и подробно изученный Н. А. Нечунаевой [Нечунаева 1998] среднеболгарский фрагмент Q.п.1 25 кон. XII — нач. XIII вв.

Один из этих антиграфов *Зогр53* был составлен по такому византийскому образцу, согласно которому в составе Минеи не должно быть, во-первых, гимнов, принадлежащих к древнейшей славянской гимнографической традиции (что естественно), во-вторых, в нём не было кондаков. Ближайшей типологической параллелью *Зогр53* является служебная Минея *cod. Vat. gr. 2* (XI в.) италогреческого происхождения [Devreesse 1955: 33; описание рукописи: Cavalieri 1923: 2–3], службы которой содержат в своём составе стихиры, канон, иногда седальны. Кондаков в рукописи нет. В одном случае песнопения малых жанров следуют после канона, что является редчайшим случаем в византийских служебных Минеях²⁰.

²⁰ *Cod. Vat. gr. 2*, л. 142, служба 24 ноября св. Григорию Акрагантскому (Акрагантскому, Агригентскому), начинается с канона Ταῖς τοῦ Πνεύματος ἀκτῖσις πυροειρόμενος (опубликован без второй песни [Follieri IV 13]; в рукописи *Vat. gr. 2* содержится вторая песнь с началом Αἰνεῖσιν ἀναλαύσιον φέρων ἐν στόματι σοφέ, л. 142 об., которая позволяет восстановить разрушенный фразовый акростих). На поле рядом с началом первой песни содержится запись: ζ(η)τ(ου) τὸ ἀβ(θ)μα / καὶ τὰ στιχ(η)ρά εἰς / τ(ὸ) τέ(λο)ς τ(οῦ) καν(όνος) ‘ищи седален и стихиры в конце канона’, — которая указывает на необычность такого расположения жанров. Ещё один пример такого «зеркального» порядка песнопений в составе минеинной службы выявлен А. Ю. Никифоровой в унциальной служебной Минее из древнейшего минеинового комплекта *cod. Sin. gr. 607* (IX–X вв.), л. 196, в службе пророку Михею (21 апреля) [Никифорова 2010: 112–113]. *Cod. Sin. gr. 607* создан на Синае и для Синая, что подтверждается характерным для этого региона наклонным типом маюскульного письма (об этой рукописи, в том числе её происхождении, см. [Никифорова 2005: passim]). Ещё недавно славистам была известна лишь одна византийская рукопись с «зеркальным» расположением песнопений в составе службы («канон — малые жанры»): Триодь архаического типа *cod. Vat. gr. 771*, XI в. [Momina 2004: passim; со ссылкой на: Карабинов 1910; Нечунаева 2000: 55]. При этом слависты до недавнего времени упускали из внимания, что рукопись *Vat. gr. 771* (XI в.) — итало-греческого происхождения [Devreesse 1955: 31–33; описание рукописи: Devreesse 1950]; ср. [Куюмджиева 2010] (в работе С. Куюмджиевой, со ссылкой на позднейшие публикации литургистов и без упоминания приоритета Р. Девреса, указано на италогреческое происхождение источника; типологическая характеристика Триоди *Vat. gr. 771* С. Куюмджиевой не учитывает типологию византийской Триоди, построенную И. Карабиновым, хотя во многом её повторяет; не упомянуты и работы М. А. Моминой, обобщённые в итоговой публикации: [Momina 2004]). Таким образом, все три греческие рукописи, Триодь и две Минеи, в которых обнаружено «обратное» расположение жанров в составе службы, не только датируются древнейшим периодом становления этих гимнографических сборников — X–XI вв., — но и написаны на дальнейшей периферии византийского культурного, или, если говорить точнее, литургического ареала, то есть в Италии или на Синае. Следовательно, «зеркальное» расположение жанров в составе архаических славянских гимнографических сборников воспроизводит не просто древний, но редкий, а главное, периферийный византийский структурный тип.

Как будет показано далее, кондак вмч. Димитрию, записанный в *Зогр53*, отражает архаическую версию славянского текста. Следовательно, этот кондак восходит ко второму источнику *Зогр53*, который отражал не современную византийскую, а раннедревнеболгарскую гимнографическую традицию. Для темы нашей статьи важно то, что разные по составу и расположению жанров служебные Минеи, *Ск* и *Зогр53*, содержат одну редакцию текста кондака вмч. Димитрию Солунскому.

Далее приводятся три славянских версии кондака вмч. Димитрию и их греческий оригинал. Первая южнославянская версия публикуется по рукописи *Зогр53*, использованной в качестве основного списка, с разночтениями по *Ск*. После первой южнославянской версии *Зогр53=Ск* приводится текст древнерусской студийско-алексиевской версии, представленной в Кондакарях и восточнославянских служебных Минеях (в частности, опубликованных В. Ягичем); текст печатается по сводной публикации [К III: 130–133], сверенной и исправленной согласно новому наборному и фототипическому изданию [Уст.Тип. I, л. 35–36; II 95–96]; собранные издателями разночтения не представляют в данном случае интереса для истории текста и поэтому не воспроизводятся в критическом аппарате, сопровождающем эту публикацию. Принятое в издании [К III] деление на строки не воспроизводится, соответствующая современным русским литературным нормам пунктуация сохраняется. Вторая южнославянская версия, представленная рукописями *ДМ* и *Пт72*, публикуется в разночтениях к древнерусской версии. Критического издания греческого текста кондака вмч. Димитрию Солунскому нет (см. расшифровку сокращённых названий изданных греческих источников текста в конце статьи). При издании греческого текста сохраняется принятое в научной издательской практике деление строф кондака на «длинные» и «короткие» строки²¹, что соответствует более сложной, по сравнению со стихирами и тропарями, метрике кондакарной поэзии.

Зогр53, л. 128

кѡ̑ · гла̑ · вѣ̑ · по̑ · архистратиже̑ вѣ̑жнѣ̑ I · ∴ /
 Течениѣ̑ кръвѣ̑ твоѣ̑ · димитриѣ̑ · / цр̑квѣ̑ вѣ̑жнѣ̑ ѡбагри II · юже̑ III ты
 дасть IV дръ̑/жаво̑ѣ̑ неподыно̑ѣ̑ (так!) V · и подръ̑житъ̑ градъ̑ · / твои̑ недвижи-
 лю̑ VI · томоу̑ во̑ ты̑ вси̑ похвал̑ ∴ /
 ко̑²²
 Се̑го̑ великаго̑ I въ̑ пѣ̑снѣ̑хъ̑ · вси̑ II съ̑шѣ̑ше̑ / въ̑кроу̑ III · ꙗ̑ко̑ храбра̑ х̑ва̑
 љника̑ димитриѣ̑ · / пѣ̑ми̑ поутѣ̑ль IV · и V въ̑зъ̑пниѣ̑ съ̑гласно̑ · / къ̑ вл̑цѣ̑

²¹ Термин восходит к работам: [Meyer 1886: 64–94, 1896].

²² Слово *икос* написано на левом поле, чернила выпцвели; буква *и, если она была или есть в рукописи, на распечатанной с микрофильма копии не читается.

и творцоу вселенѣи · избавити / ни^{VI} ѿ троуса вѣднаго^{VII} ѿ ѿвколюбуче · мѣи/-
твани бѣе и всѣхъ стыхъ^{VIII} мнкъ · въ те^{IX} / во оупваемъ · избавитисе
скръби и вѣды^{23 X} / съдръжен конце единого^{XI} · томоу во ты / вси похвала
(так!)^{XII} ∴

Разночтения по Ск 27 об.

проимий

^I гла · б̄ · по̄ · архистратиге вѣжїї ∴ / : в Ск отсутствует указание
на глас и подобен] ^{II} ѿбагри: прѣоуѣрасова] ^{III} юже: ѿѿжже] ^{IV} дастъ: доб х̄]
^V неподымоуо: неповѣдимъ] ^{VI} недвижимо: недвижимъ]

икос

^I великаго: великаго] ^{II} вси: нет] ^{III} вѣрою: вѣрно] ^{IV} поучѣемъ: ѿ пѣнми]
^V и (възъпиемъ): и нет] ^{VI} избавити ни: ѿзъбави на] ^{VII} вѣднаго: вѣднаго]
^{VIII} стыхъ: доб твоихъ] ^{IX} въ те: на та] ^X скръби и вѣды: вѣди / и скръбий]
^{XI} единого: едины · ко̄ .] ^{XII} похвала: похвала]

К III 130

ко̄ гла · б̄ · са̄ гла.

Крѣви²⁴ твоихъ ствѣтани, димитрие^I, църквѣ въ богъ^{II} обавѣри^{III}, давъти
ти държавѣ²⁵ неповѣдимъ^{IV} и навѣдѣи^{26 V} градъ твои невредимъ^{27 VI}; томоу
во вси оутвѣрженіи^{28 VII} ∴²⁹

²³ Последний элемент диграфа ѱ читается на копии неуверенно.

²⁴ Так в нотированном варианте; в ненотированном тексте стяжённая форма крѣви [К III 130, Anm. 8; Уст. Тип. II 95, примеч. 5].

²⁵ В изд.: държавѣ [К III 131]; хотя текст издан по Типографскому Уставу, имеющему сокращение б₁, в издании имеется примечание: «б₁ f: държавоу» [К III 130, Anm. 14]. Из этого следует, что в одной и той же рукописи одно и то же слово в одном и том же тексте написано дважды по-разному. Согласно другому изданию выясняется, что в рукописи, в ненотированном тексте, написано държавоу, в нотированном — държавѣ [Уст. Тип. I, л. 35; Уст. Тип. II 95].

²⁶ В изд.: навѣдѣи [К III 130], с примечанием: «а₁ б₁ б₂ с f: навѣдѣ, d: навѣдѣа» [К III 130, Anm. 16]. В нотированном тексте Типографского устава — навѣдѣ, в ненотированном — навѣдѣи [Уст. Тип. I, л. 35; Уст. Тип. II 95].

²⁷ В изд. невредимъ [К III 130], с примечанием: «а₁: неповѣдимъ, б₁, б₂: невредимо, с d: невредимъ» [К III 130, Anm. 17]. В Типографском Уставе, в нотированном и ненотированном текстах, — ѿ [Уст. Тип. I, л. 35; Уст. Тип. II 95]. В данной статье в качестве основной принимается соответствующая греческому оригиналу форма невредимъ, засвидетельствованная, согласно критическому аппарату, двумя рукописями.

²⁸ В изд., согласно нотированному тексту Типографского Устава: томъ, ствѣрженіи, с вариантами, соответствующими чтению данной статьи [К III 130]; зд. цит. по ненотированному тексту: [Уст. Тип. I, л. 35; Уст. Тип. II 95].

²⁹ Знак ∴ в изд. [К III 130] опущен.

[TRM II 28]

ὁ οἶκος, προσόμοιον „τράνωσόν μου“

Τοῦτον τὸν μέγαν πάντες ἐν ὕμνοις¹ συνελθόντες ἐν πίστει^{II} ὡς ὀπλίτην Χριστοῦ καὶ μάρτυρα Δημήτριον^{III} ἐν ὡδαῖς καὶ ὕμνοις συνεκβοῶμεν^{IV} τῷ δεσπότῃ καὶ κτίστῃ τῆς οἰκουμένης· „Ρύσαι ἡμᾶς τοῦ σεισμοῦ τῆς ἀνάγκης, φιλάνθρωπε, πρεσβείαις τῆς θεοτόκου καὶ πάντων τῶν ἀγίων μαρτύρων σου·^V εἰς σὲ γὰρ πάντες^{VI} ἐλπίζομεν τοῦ ἑυσθηῖναι κινδύνων καὶ θλίψεων, αὐτὸς^{VII} γὰρ ὑπάρχεις^{VIII} τὸ στήριγμα.“

Разночтения к икосу

^I ἐν ὕμνοις: *MV X 140 = MR I 531 συμφώνως]* ^{II} συνελθόντες ἐν πίστει *MV X 140* συνελθόντες οἱ πιστοὶ *MR I 531* οἱ πίστει συνελθόντες] ^{III} Δημήτριον *MV X 140 = MR I 531* τιμήσωμεν] ^{IV} συνεκβοῶμεν *MV X 140 = MR I 531* ἀναβοῶντες] ^V σου *MR I 531* *нет]* ^{VI} πάντες *MV X 140 = MR I 531* *нет]* ^{VII} αὐτὸς γάρ: *AK I 169* αὐτῆς γάρ³³: *MV X 140 = MR I 531* ὅτι σύ] ^{VIII} ὑπάρχεις *MV X 140 = MR I 531* *доб* ἡμῶν]

Ни в одном южнославянском источнике, кроме *Зогр53*, не указано, что проимий представляет собой *самогласен* — песнопение, не имеющее метрического и музыкального подобна и исполняющееся по собственной уникальной модели. Способ музыкального исполнения славянского кондака остаётся при такой записи текста неясным. В *Зогр53* указание на подобен имеется, однако это является результатом контаминации (*conflatio*) двух позднейших вставок в эту рукопись, о которых шла речь выше. На указанный в *Зогр53* подобен (т. е. по метрической и музыкальной модели) *архистратигѣ ѿжнїи* написан другой кондак — арх. Михаилу, который содержится в *Зогр53* в составе интерполяции, следующей в нарушение календарного порядка непосредственно за службой мч. Димитрию (л. 130 об.). Очевидно, что составитель или редактор *Зогр53* не обладал достаточным опытом, чтобы квалифицированно использовать восходящую к раннему древнеболгарскому архетипу рукопись, которая была чужда знакомой составителю и современной ему византийской гимнографической традиции.

В связи с практикой музыкального исполнения кондака показателна разная мотивация термина для обозначения рефрена в *Ск* (кѡ̑ ‘конец’) и в древнерусских Кондакарях и Минеях, с которыми совпадает *Пт72* (лѡ̑̑ ‘люди’) (в *ДМ* рефрен не обозначен). Сокращение лѡ̑̑, использованное в студийско-алексиевской версии и в *Пт72*, имеет музыкальное содержание: оно означает, что весь текст кондака

³³ Все славянские версии восходят к чтению αὐτῆς [AK I 69; см. также: К III: 133, Anm. 4].

исполняется солистом и лишь рефрен икоса подхватывается хором. Сокращение кѣ в *Ск* особенностями исполнения кондака не мотивировано, что является ещё одним штрихом к музыкальной истории византийских переводных гимнов в древней Болгарии.

Дальнейшие отличия версии *Зогр53=Ск* от версии студийско-алексиевской и *ДМ=Пм72* обусловлены не только индивидуальными пропусками, но и трансформацией синтаксических конструкций греческого оригинала и позднейшим переосмыслением более раннего древнеболгарского архетипа.

В версии *Зогр53=Ск* мн.ч. τοῖς τῶν ἁμαρτῶν σου ῥείθροις (др.-р. кръвни твоихъ стрѣлами) передано формами ед.ч. теченннѣ крове твоѣѣ. Возможно, целью такого перевода — если это действительно перевод, а не позднейшее изменение в русле славянской традиции — было стилистическое упрощение текста, достигнутое за счёт устранения форм мн.ч., которые в данном случае выполняют риторическую функцию. Одновременно с таким переводом изменён по сравнению с оригиналом порядок слов.

Притяжательное прилагательное бѣжю (цѣкѣ) в соответствии с греческим им.п. Θεός заставляет предполагать метрически возможный вариант *Θεοῦ. Чтение бѣю *ДМ=Пм72*, которое объясняется как дательный принадлежности³⁴, отражает то же гипотетическое *Θεοῦ. Возможно, что к исправному чтению *бѣю восходит описка бѣ [Ягич

³⁴ О дательном possessивном в старославянском и о его конкуренции с прилагательными см.: [Večerka 1993: 195–197]. Для локализации архетипа версии *ДМ=Пм72* могло бы быть полезным мнение Р. Вечерки о диалектном характере дательного атрибутивного (и дательного possessивного, в частности): «<F>ast vollständige Funktionsäquivalenz mit dem adnominalen Gen. im Aksl. erweist ihn jedoch als eine im allgemein slavischen Rahmen territorial begrenzte („mundartliche“) Erscheinung. Sie hängt mit der kategorialen Verschmelzung von Gen. und Dat. zusammen, die einer der ersten Schritte zum Untergang der Deklination im Bg. und Maked. gewesen sein dürfte. Der Ausgangspunkt des Prozesses lag im Osten des südslav. Sprachgebiets, was sich in der erhöhten Frequenz des adnominalen Dat. in den kyrillischen, aus dem Osten des Balkanslavischen stammenden Handschriften (S und Su) spigelt» [Večerka 1993: 197–198] [‘почти полное функциональное тождество <дательного приимённого. — Р. К.> с приимённым родительным в старославянском свидетельствует о нём, однако, как о территориально ограниченном («диалектном») явлении. Оно связано с категориальным объединением родительного и дательного, которое, возможно, является одним из первых шагов к утрате склонения в болгарском и македонском языках. Отправная точка этого процесса находится на востоке южнославянского языкового ареала, что отражается в повышенной частотности дательного приимённого в кириллических рукописях, происходящих с балкано-славянского востока’]. К сожалению, это интересное наблюдение не подтверждено количественными данными и сопровождается лишь упоминанием Супрасльской рукописи и Саввиной книги.

1886: 130]³⁵, которое, однако, проще объясняется как антиципация последующего *o* в *овагри* и отражает таким образом написание **бѣъ*.

Благодаря чтению **Θεοῦ* весь проимий, за исключением рефрена, превращается в одно простое предложение, осложнённое двумя субстантивированными причастными оборотами в функции однородных подлежащих (*ὁ δοῦς... καὶ τηροῦντων...* ‘давший... и соблюдающий...’): «Потоками кровей твоих, о Димитрий, церковь Божию обагрил Давший тебе силу непобедимую и Соблюдающий город твой невредимым».

Славянский текст версии *Зогр53=Ск* в этом случае выглядит стилистически неудачным по сравнению с предполагаемым греческим оригиналом. Первой причиной этому является грамматическая омонимия форм *овагри Зогр53* или его варианта *рѣкоуѣрасѣва Ск*, которые могут быть истолкованы и как второе лицо, относящееся к Димитрию, и как третье, относящееся к Богу. Прямое упоминание о Боге в версии *Зогр53=Ск* отсутствует, в связи с чем о субъекте высказывания в этом славянском тексте остаётся только догадываться. Вторым и более важным фактором логической неопределённости является передача греческих неличных, причастных, конструкций славянскими личными.

Из-за перевода причастия *ὁ δοῦς* аористом 3 л. *дaтъь* неличная конструкция оригинала, выраженная субстантивированным причастным оборотом, была заменена дополнительной предикативной частью, выраженной придаточным определительным предложением, которое вводится с помощью союзного слова *юже* (*Ск*: *ийже*), соотносящегося с *црѣвь*. Очевидная греческая параллель союзному слову отсутствует. Из-за появления соотносительной пары *црѣвь* — *юже* оказалось, что *црѣвь* — это *дръжава* *непо<вѣ>дима* *вмч*. Димитрия: *црѣвь... юже ты дaтъь дръжавоу* ‘церковь... которую [кто?] дал тебе как державу (власть? силу?)’. (Попутно обратим внимание на разный перевод греч. *κράτος* в версиях *Зогр53=Ск* и *ДМ=Пм72=др.-р.*, соответственно, как ‘держава’ и ‘сила’.) Согласно версии *Зогр53=Ск* оказывается, что церковь (или, точнее, Церковь как единство верующих, а не, например, базилика *вмч*. Димитрия в Салониках) — это сила, или *дръжава*, *вмч*. Димитрия, тогда как согласно оригиналу и более близким к нему версиям *ДМ=Пм72=др.-р.* говорится другое, а именно, что сила мученика дана ему Богом. Столь активное и поистине «соперническое» вмешатель-

³⁵ Написание *бѣ* может также представлять собой незавершённое **бѣу* (с пропуском второго элемента диграфа). Если же описку *бѣ* возводить к *вожню*, то в этом случае необходимо предполагать пропуск уже не одной буквы, а двух слогов, что маловероятно ещё и потому, что над *бѣ* находится титло, лишнее в написании *вожню*, однако необходимое, если писец собирался передать форму *бѣу*.

ство в оригинальный авторский текст в версии *Зогр53=Ск* не привело ни к какому иному эффекту, кроме как к догматически сомнительному смещению иерархических позиций *Бога* и *Церкви*. Более того, оказалось, что если *Церковь* эксплицитно представлена в переводе, то *Бог* в качестве формально выраженного грамматического и логического субъекта утратился. В этой связи обращает на себя внимание, что при такой переводческой технике количество значимых слов в версии *Зогр53=Ск* оказалось соответствующим оригиналу, если союзное слово юже соотносить с артиклем \acute{o} ($\delta\acute{o}\upsilon\varsigma$), предваряющим субстантивированную группу.

Дальнейшая трансформация оригинала произошла благодаря особому способу передачи полупредиката $\pi\epsilon\rho\iota\epsilon\lambda\omega\nu$ ‘зд.: соблюдающий, оберегающий’ и его объектной группы $\tau\acute{\eta}\nu \lambda\acute{o}\lambda\upsilon\nu \sigma\upsilon \acute{\alpha}\tau\omicron\rho\omega\tau\omicron\nu$ ‘город твой невредимым’.

Очевидно, что во всяком придаточном определительном предложении, которое соединено с главным с помощью союзного слова, одновременно являющимся в придаточном предложении объектом, при любом количестве синтаксически равноправных однородных сказуемых может быть только один объект, выраженный этим союзным словом. Поскольку же в рассмотренном выше славянском придаточном предложении союзное слово юже (т. е. *црѣвь*) является прямым объектом к *дасть* (\acute{o} $\delta\acute{o}\upsilon\varsigma$), тогда как в греческом оригинале однородный с \acute{o} $\delta\acute{o}\upsilon\varsigma$ полупредикат — причастие наст.вр. $\pi\epsilon\rho\iota\epsilon\lambda\omega\nu$ управляет другим объектом ($\tau\acute{\eta}\nu \lambda\acute{o}\lambda\upsilon\nu$), то славянский перевод греческого $\pi\epsilon\rho\iota\epsilon\lambda\omega\nu$ не может в качестве синтаксически равноправной личной формы входить в состав придаточного относительного предложения, соединённого с главным с помощью союзного слова юже, выполняющего функцию единственного возможного в придаточном предложении объекта. Это вызвало очередную синтаксическую парафразу: личная форма *пѣдрьжить* (в соответствии с причастием $\pi\epsilon\rho\iota\epsilon\lambda\omega\nu$) образовала однородное сказуемое уже в составе главного, а не придаточного предложения: *ѡагри... и пѣдрьжить*. Таким образом ряд однородных членов, выраженный в оригинале двумя причастиями $\delta\acute{o}\upsilon\varsigma$ и $\pi\epsilon\rho\iota\epsilon\lambda\omega\nu$, был разрушен: один однородный полупредикат был передан сказуемым в личной форме ($\delta\acute{o}\upsilon\varsigma$ — *дасть*) и вошёл в состав появившегося в переводе придаточного предложения, а другой ($\pi\epsilon\rho\iota\epsilon\lambda\omega\nu$ — *пѣдрьжить*) образовал ряд однородных членов с формально соответствующим оригиналу сказуемым в личной форме *ѡагри* ($\xi\lambda\omicron\rho\omicron\upsilon\acute{\rho}\omega\sigma\epsilon\nu$) и был соединён с ним с помощью — имеющего параллель в оригинале — союза и.

В результате таких парафраз в переводе появилось сложное предложение, в котором однородные сказуемые и их объектные группы оказались разорваны придаточным определительным, а логический

и грамматический субъект остался формально не выраженным и потому неясным. Попыткой разрешить эту неясность является вставка χ̂ в *Ск*, которая по соображениям метра и грамматики не может восходить к незасвидетельствованному греческому оригиналу, где логический и грамматический субъект выражен с помощью субстантивированной формы ὁ δοῦς. На уровне внеязыкового содержания и широкого контекста ценностные иерархические отношения между *Богом* и *Церковью* сместились в сторону приоритета *Церкви*, которая была кем-то вручена самому мученику. Сам он при этом служил проконсулом и не принадлежал к церковной иерархии: «Течением крови твоей, о Димитрий, Церковь Божию обагрил [кто?], которую тебе дал [кто?] в качестве непобедимой силы, и удерживает [кто?] город твой непоколебимым».

Бессмысленность усложняющих текст синтаксических трансформаций и привнесённое в перевод смутное внеязыковое содержание соседствует с удачной передачей причастия *περιέλω* от *περιέλω* ‘букв.: обходиться’ [LSJ 1372: ‘*treat, handle*’, как в положительном, так и в отрицательном смысле]; *περιέλω* образовано от *έλω* ‘хлопотать, заботиться (о чём-л.); заниматься (чем-л.)’ [LSJ 678: ‘*to be about, busy oneself with*’]. При отсутствии славянской параллели, которая бы отражала морфемную структуру и словообразовательную мотивацию оригинала, переводчик выбрал нетривиальное славянское соответствие, отражающее контекст и хорошо подходящее по смыслу к наречию *недвижимо Зогра53* или прилагательному *недвижимь Ск* (ср.: *пѣдръжитъ градъ твои недвижимо / недвижимь*). Слова *недвижимо* или *недвижимь* передают не засвидетельствованное в изданиях разночтение — наречие **ǫ̆сеиотос* ‘недвижимо’ или отглагольное прилагательное двух окончаний *ǫ̆сеиотос* ‘недвижимый’. (Паронимическое смешение славянских наречия и прилагательного могло возникнуть и независимо от греческого текста в славянской рукописной традиции в том числе под влиянием буквы *o* в следующем слоге, сравним аналогичную опisku в Типографском Уставе (*b*₁, *b*₂): *неврѣдимо* [К III 130; Уст. Тип. I 35], если это *o* не является известной графико-фонетической заменой *ъ* на *o*.) Оба варианта, **ǫ̆сеиотос* и **ǫ̆сеиотос*, имеют ту же метрическую структуру (трёхсложный *proparoxytonon*), что и засвидетельствованное в изданиях *ǫ̆тρωτον* — др.-р. *неврѣдмигъ* (вин. п.). В таком словоупотреблении славянский переводчик сумел приблизиться к классической античной традиции: в толковании глагола *περιέλω* замечено, что он употребляется «in good writers almost always with an Adv. or some modal verb to determine the sence» [LSJ 1186].

Противоречие между удачным выбором одного слова и разрушением грамматического и внеязыкового содержания на уровне син-

таксического целого заставляет усомниться в том, что текст *тѣчениемъ крѣве твоѣѣ · димитрие · / цркъвь бжнїю ѡбагри · юже ты дасть дрь/жавоѣ неподымоѣю* (так!) · и *пѣдрьжитъ градъ · / твои недвижимо Зогр53* отражает первоначальный перевод в неиспорченном виде.

Исправный текст, соответствующий содержанию оригинала и адекватно выражающий его грамматический и логический субъект, реконструируется с помощью графически малозаметной конъектуры. Полагаем, что исконым соответствием греческого *ὁ*, вводящего субстантивированную группу, должно быть не *юже* (**ъжж*), а **иже* '[Тот,] Кто [т. е. Бог]: **Тѣчениемъ крѣве твоѣѣ, димитрие, цркъвь бжнїж ѡбагри* (прѣоѣкрасова?) *иже ти дасть дръжавѣх неподѣдимжж и пѣдрьдрьжитъ градъ твои недвижимо* 'потокот твоей крови, о Димитрий, Церковь Божию обогрил [Тот,] Кто дал тебе силу непобедимую и непоколебимо удерживает твой город'. Аналогичная описка, однако «в другом направлении», отмечена в традиции одной из древнеболгарских алфавитных стихир предпразднству Рождества Христова. В Ильиной книге зачало этой стихиры выглядит так: *Жже ѡстоѣпаетъ ли пламенно ѡржжїе* [Крысько 2005: 371]; в рукописях отмечены разночтения: «*Жже: Т98 Оуже; НБ522, Хл166 Юже* — очев., написание, восходящее к протографу; *F70 Иже* (!)» [Крысько 2005: 371]. Благодаря конъектуре *юже* → **иже* оказывается, что отличия перевода от оригинала ограничиваются передачей субстантивированных причастных конструкций оригинала личными формами глагола в сопровождении объектных групп, тогда как логический субъект, выраженный в оригинале с помощью субстантивированных причастий, передан с помощью относительного местоимения *иже* (*ѡ*). Реконструированная фраза имеет достаточное количество типологических параллелей [Максимович 2004: 110; 2006]. Аналогичные примеры приведены, в частности, в Пражском словаре старославянского языка, *sub verbo иже* — «nonnumquam in enuntiatione principali deest nomen aut pronomen, ad quod sententia relativa spectat: enuntiatione principalis cum omissio nomine vel correlativo pronomine demonstrativo <...> (кѣде) *сѣтъ ѡубо иже въсе житїе свое лѣнатъ сѣ поѣ ѡѣ ѡі... ѡѣ ѡѣ ѡі Supr 375,8*» [SJS I: 712]. Процитированный пример является особенно близким соответствием нашему случаю: в обеих фразах субстантивированная группа с прилагательным или с причастием в качестве главного слова, вводимая артиклем *ѡ*, передана с помощью *иже* в функции субъекта и личной формой глагола в функции предиката (во фразе *кѣде сѣтъ ѡубо иже въсе житїе свое лѣнатъ сѣ — поѣ ѡѣ ѡі... ѡѣ ѡѣ ѡі* лексической параллелью славянскому глаголу является греческое субстантивированное прилагательное).

Особую проблему представляет индивидуальное чтение рукописи *Ск прѣоѣкрасова*, соответствующее форме *ѡбагри / ѡбагри* (*ἐπορφύρωσεν*)

во всех прочих списках. Глагол *прѣоуѣкрасовати* — гапакс *Ск*, не засвидетельствованный ни в словарях, ни в базах данных, однако образованный по продуктивной и распространённой в гимнографии словообразовательной модели вторичной имперфективации с суффиксами *-ива(-ыва-)* / *-ова(-ѣва-)* [см. об этом специальную статью и там же более раннюю литературу: Йовчева 2009]. Известно похожее образование: «*оуѣкрасовати κατακοσμίζω* (24.123), — (24.103)» [Christians 2001: 219], которое подсказывает метрически допустимую греческую параллель к *прѣоуѣкрасова* — **κατηκόσμησε*. В то же время отмеченная в переводе древней славянской служебной Минеи на декабрь параллель *оуѣкраситисѧ* — *λαμπρύνοιαι* [Christians 2001: 219] ‘блистать (в т. ч. великолепием)’ указывает на такую передачу языковой метафоры ‘блистать → быть красивым’ (*λαμπρύνοιαι*), при которой семантический ореол света исчезает в прямом значении славянского *оуѣкраситисѧ*. В переводе *ἐλορφύρωσεν* ‘обгрил’ славянским *прѣоуѣкрасова* легко увидеть тот же приём, когда *обагрѣнная* (мученической кровью Церковь) правомерно переосмыслена как *украшенная* на основе метафорического сходства; в этом случае из перевода устраняется уже не световая, а цветовая семантика.

Гапакс *прѣоуѣкрасова*, переосмысливающий засвидетельствованное чтение *ἐλορφύρωσεν* или восходящий к гипотетическому **κατηκόσμησε*, трудно объяснить как результат замены простого и понятного чтения *ѡвагри*. Направление редактирования объяснимо только в одном направлении: от гапакса и потому *lectio difficilior* *прѣоуѣкрасова* к более распространённому и потому простому *ѡвагри*.

Более того, если обе славянских формы, *прѣоуѣкрасова* и *ѡвагри*, действительно передают один греческий оригинал *ἐλορφύρωσεν* ‘обгрил’, то привнесение эксплицитно выраженного смыслового оттенка красоты в *прѣоуѣкрасова* свидетельствует об известной творческой свободе переводчика, решившегося «улучшить» текст. Такое «улучшение», однако, с точки зрения теории и практики пословного и так называемого «буквального» перевода является недопустимым «ухудшением». Как мы знаем, «<u>силение буквальности последующих переводов можно рассматривать как универсальную тенденцию, известную многим древним литературам» [Алексеев 1999: 78]. Следовательно, с точки зрения техники перевода и при условии, что оба варианта восходят к одному оригиналу *ἐλορφύρωσεν*, перевод *прѣоуѣкрасова* как более «свободный» является более ранним по сравнению с *ѡвагри*, которое в словообразовательном и лексико-семантическом отношении точнее выражает оригинал.

Версия *ДМ=Пт72* отличается от древнерусской студийско-алексеевской версии различием *сѣнакдѣ* — *накѣда*. Для приставочно-

го деривата *навѣдѣти* установлен «ранний характер сложения» (**na* + **bъdĕti*), который «явствует из наличия особого вторичного значения: ‘бдеть над чем-либо’ → ‘стеречь, охранять, заботиться’» [ЭССЯ 21: 220]. Приставка **съ* придаёт слову **nabъdĕti* семантику полноты совершения действия, уместную в контексте кондака, однако не соответствующую словообразовательной структуре греческого περιέλω. Префикс περι- ‘вокруг’ скорее сопоставим в этом значении с *на-* ‘на(д)’, чем с *съ-*, не имеющим параллели в греческом оригинале. Варианты *сънавѣдѣти* и *навѣдѣти* отражают, таким образом, не результат паронимического смешения, а разное осмысление одного греческого слова с помощью оттенков словообразовательной семантики и внутренней формы славянских синонимов.

Завершая анализ проимия, укажем, что чтение рефрена (томоу ко ты иси) похвал<а> Зоґр53, засвидетельствованное во всех южнославянских рукописях, возводимо к метрически равноправному варианту *καύχημα, тогда как древнерусское *ѡтвѣрженіи* опирается на засвидетельствованное в изданиях текст *στήριγμα*. Обе греческие словоформы — трёхсложный *grōragoχytoπon*.

Списки всех славянских версий икоса содержат несколько общих отступлений от греческого текста. Во втором колоне порядок слов в *пѣснѣхъ вси Зоґр53=ДМ=Пт72* (или древнерусское *въ пѣснѣхъ вси*) в переводе иной, чем в греческом *πάντες ἐν ὑμῖνοις*. Исключение представляет *Ск*, где местоимение *вси* отсутствует; в данном случае общность этого источника с прочими списками состоит в том, что *Ск*, как и другие рукописи, отражает некое искажение первоначального порядка, заданного греческим оригиналом.

Кроме этого пропуска, в словосочетании *всѣхъ стѣхъ мнѣхъ Зоґр53* (=ДМ; то же: *всѣхъ свѣтѣхъ мнѣхъ* [К III]) отсутствует определение, которое соответствовало бы греческому (*πάντων τῶν ἁγίων μαρτύρων*) σου. Пропуск обусловлен влиянием особого оригинала: соответствующее греческое местоимение отсутствует в версии Римской Минеи [MR I 531; см. аппарат]. Варьирование в один слог в конце колона допустимо в данном случае метрической моделью *τράνωσόν μου τὴν γλώσσαν* [MT I 523]. Однако рукописи *Ск* и *Пт72* содержат в данном случае чтение, восходящее к иному оригиналу, чем *Зоґр53*, ДМ и древнерусские источники: *твоихъ Ск*, причём чтение *твоихъ* в *Пт72*, в отличие от *Ск*, находится на той же позиции в тексте, что и в оригинале (*святых мучеников твоих*), что отражает влияние той версии греческого оригинала, которая представлена в большинстве изданий кондака.

Осталось без перевода или утрачено на ранних этапах истории текста местоимение (*εἰς ὃ ἐγὼ*) πάντες (ἐλλίζομεν), ср. *въ те во оупѣваемъ*

Зогр53 (=Ск=ДМ) или на *та во оупваимъ* [К III] (обратим внимание на разную передачу предлога *εις* в южнославянских и древнерусской версиях). Исключение представляет *Пт72*, где местоимение *вси* имеется, однако при этом утрачен союз *во*, как и в одном из древнерусских Кондакарей [см. критический аппарат в: К III 132]. Утрата местоимения *вси* во фразе *ибо мы все на тебя уповаем* (*εις σε γὰρ πάντες ἐλλίξομεν*) в разных ветвях славянской традиции может объясняться ранней сверкой с испорченными греческими источниками, на что указывает не допустимый метрической моделью в середине колона [MT I 523] пропуск соответствующего местоимения *πάντες* — греческой параллели *ко вси* — в венецианском издании византийского кондака [MVX].

Перечисленные пропуски, представленные в разных ветвях традиции, указывают на общий, древний, источник доступных свидетелей славянского текста. «Исчезнувшие» слова доказывают, что сверка с греческими оригиналами при появлении поздних версий, и в особенности древнерусской, проводилась с учётом данных более ранних славянских источников. В незначительных случаях, таких, как порядок слов и пропуск не нарушающих смысл и не препятствующих пониманию местоимений, рукописи более ранней славянской традиции имели в глазах средневековых справщиков приоритет перед традицией византийской, или же авторитет этой традиции в содержательно мало-значимых фрагментах текста не принимался во внимание.

Чтение *вѣды* и *скърви* (*κινδύων καὶ θλίψεων* ‘бед и скорбей’) — общая особенность всех древнерусских рукописей и группы ДМ=Пт72, в котором отражается переосмысление род. п. мн. ч. первоначального перевода (**вѣды* и *скърви*) как род. п. ед. ч. Само по себе единичное написание *вѣды* и *скърви* объяснимо как фонетически закономерная вокализация *ъ* в позиции перед *и* (*jъ*) и стяжение *ии* в *и*. Такому прочтению препятствует последовательность, с которой написание *вѣды* и *скърви*, с понятным графико-орфографическим варьированием, воспроизводится во всех рукописях группы др.-р.=ДМ=Пт72³⁶. Особенно важно, что это чтение содержится в южнославянских источниках ДМ=Пт72, ни один из которых не фиксирует написание, в котором бы не отразились синтагматические изменения, связанные с интервокальным *j*: *вѣ/ды* и *скърви* ДМ 47 об., *вѣди* и *скърви* Пт72 43. Согласные показания разновременных восточно- и южнославянских источников, которые не содержат морфологически исконного чтения **вѣды*

³⁶ В издании, учитывающем графико-орфографические колебания, к данному примеру разночтений нет [К III 132], ср. комментариев к др.-р. переводу, не учитывающий возможность фонетического объяснения написания *вѣды* и *скърви*: «гг. рlug» [К III 132, Апп. 3].

и ск[ъ]р[ъ]вии, снижают вероятность фонетического объяснения написания типа вѣды и скърви. Наконец, в *Зогр53* соответствующее написание вѣды (скърви и вѣды *Зогр53* 128) из-за изменённого порядка слов³⁷ находится не перед и (*jb*) и тем самым неопровержимо доказывает, что вѣды в данном фрагменте — это рано переосмысленный как единственное число род. п. мн. ч. вѣдъ с вокализацией напряжённого ъ и с последующей перестановкой форм *вѣдъ и скърви → *вѣды и скърви → скърви и вѣды. Наиболее близким к первоначальному чтению является написание вѣди / и скърви *Ск* 27 об., впрочем, тоже отражающее вокализацию исконного ъ или всё же описку — появление и под влиянием буквы последующего слога. Судя по наличию формы вѣды / вѣди (из *вѣдъ) в разных ветвях традиции, морфологическое переосмысление написания, возникшего в результате позиционно обусловленного перехода напряжённого ъ в *ы*, имело место на ранних этапах истории текста.

Описанные в двух предыдущих абзацах общие пропуски, изменение порядка слов и переосмысление грамматических форм, очевидно не представлявшие интереса для средневековых справщиков и потому сохранившиеся в разных источниках, имеют, однако, то значение для истории текста, что они представляют собой классический случай «общих ошибок» и тем самым доказывают наличие общего источника у всех славянских версий. Для текстологической характеристики и классификации источников важны также следующие разночтения, которые, в частности, характеризуют «метод» работы среднеболгарских и древнесербских книжников, позволявших себе править оказывавшийся непонятным текст без сверки с греческим оригиналом.

Отсутствие союза и во фразе *хравра х̄ва ѿника Зогр53=Ск=Пт* 72 (в др.-р. Кондакарях: *хравр̄а х̄ва и ѿн̄ка* — *ὀπλίτην Χριστοῦ καὶ μάτορα*) едва ли является неосознанной опиской. Перед нами — (поздняя?) попытка упростить (первоначальный?) текст за счёт устранения субстантивации прилагательного *храв(ъ/о)ръ* (*ὀπλίτης*) и превращения его в обычное определение к *нӣкъ*. Аналогичный приём был использован создателем версии *ДМ*, который переставил союз и на другое место, благодаря чему была достигнута та же цель — устра-

³⁷ Исконный порядок славянских слов, синонимов вѣда и скървь, уверенно устанавливается благодаря славянско-греческим лексическим параллелям. Вѣда — обычное соответствие греч. *κίνδυνος* ‘опасность’ [Речник 2003: 269]; значение ‘опасность’ не отмечено у славянского вѣда ни в современных славянских языках и диалектах, ни в оригинальных славянских текстах и описывается в словарях только на переводном материале при помощи соответствующей греческой параллели [ЭССЯ 2: 54; SJS I: 157; СДРЯ I: 357].

нение субстантивированного прилагательного и возвращение ему адъективного статуса: и хравра х̄ва м̄нка.

Более значимо не имеющие прямой греческой параллели ни в одном опубликованном источнике греческого текста чтение версии *Зогр53=Ск* хравра х̄ва м̄ника димитрина · ꙗ̄кли поутѣмь · и възъпниемь съгласно · къ влѣцѣ и творцоу (наречие съгласно содержится также в *ДМ* на том же месте в тексте). Древнерусская версия греческой фразы ὀπλίτην Χριστοῦ καὶ μάρτυρα Δημήτριον ἐν ὠδαῖς καὶ ὕμνοις συνεβόωμεν τῷ δεσπότη καὶ κτίσῃ ‘воина Христова и мученика Димитрия в песнях и гимнах [воспоём], совзывая к Господу и Творцу’ — хравра х̄ва и м̄нка дьмитрина ꙗ̄ксли и ꙗ̄кли възъпниемь къ влѣцѣ и творцю — воспроизводит имеющуюся в оригинале грамматическую неопределённость: глагол възъпниемь одновременно управляет и прямыми (τοῦτον τὸν μέγαν... ὀπλίτην... καὶ μάρτυρα Δημήτριον — сего великаго... хравра... м̄нка дьмитрина), и косвенными дополнениями (τῷ δεσπότη καὶ κτίσῃ — къ влѣцѣ и творцю; ср. немецкий перевод: «in Hymnen und Liedern laut besingen zum Herrn und Schöpfer ‘в гимнах и песнях воспоём ко Господу и Творцу’» [К II 133]). По сравнению с древнерусской версией, в основном совпадающей с чтением группы *ДМ=Пт72* (ср. выше о разночтениях, связанных со словом хравръ), версия *Зогр53=Ск* синтаксически проще благодаря тому, что она восходит к другому греческому тексту. В оригинале *Зогр53=Ск* вместо обстоятельства образа действия καὶ ὕμνοις ‘и гимнами’ находился глагол τιμήσωμεν, который засвидетельствован в близком к чтением *Зогр53=Ск* венецианском издании служебных Миней: Τοῦτον τὸν μέγαν πάντες συμφώνως οἱ λιστοὶ συνελθόντες, ὡς ὀπλίτην Χριστοῦ καὶ μάρτυρα τιμήσωμεν, ἐν ὠδαῖς καὶ ὕμνοις ἀναβοῶντες [MV X 140]³⁸ ‘сего великого все согласно[, мы,] верные, как воина Христова и мученика, почтим, в песнях и гимнах взывая’ — Сего великаго въ ꙗ̄кслехъ · вси съшьшесе / вѣроу · ꙗко хравра х̄ва м̄ника димитрина · / ꙗ̄кли поутѣмь · и възъпниемь съгласно *Зогр53=Ск* (в *Ск* поутѣмь нет, где читается ꙗ̄ксли). В данном случае ценность венецианского издания состоит в том, что оно является единственным источником греческих лексических параллелей для двух слов версии *Зогр53=Ск*: поутѣмь — τιμήσωμεν, съгласно (съгласно *ДМ*) — συμφώνως. Однако «венецианский» текст не является непосредственным оригиналом версии *Зогр53=Ск*. Более того, сравнение греческого икоса в публикациях [TRM II; AK I; MR I; MV X] с *Зогр53=Ск* доказывает, что эта славянская версия вообще

³⁸ На отличие венецианского издания от римского [MR I 531] в связи с комментарием к соответствующему фрагменту славянского перевода указал В. Ягич: «възъпниемь с. възъпниемь н., в гр. τιμήσωμεν... ἀναβοῶντες, венец. изд., ближе р. συνεβόωμεν» [Ягич 1886: 180, примеч. 10].

не может быть результатом перевода одного греческого источника. Она отражает совмещение двух вариантов греческого текста, одновременное появление которых невозможно в оригинале по метрическим соображениям; они объединены лишь в славянской версии *Зогр53=Ск*: *въ пѣснѣхъ, съгласно* — ἐν ὕμνοις [TRM II; AK I; MR I]; *симфώνως MVX*; *динитриѣ, поутѣмь* — Δημήτριον [TRM II; AK I; MR I], *τιμίσωμεν* [MV X]. Расположение «венецианских» чтений версии *Зогр53=Ск* *съгласно* (*συμφώνως*) и *поутѣмь* (*τιμίσωμεν*) не соответствует позиции их греческих параллелей. Это, одновременно с наличием взаимоисключающих с точки зрения критики греческого текста чтений, доказывает, что версия *Зогр53=Ск* является либо переводом, выполненным с двух различных версий греческого текста, что крайне маловероятно в славянской переводной литературе, либо контаминацией двух существенно более ранних славянских версий, которые восходят к разным оригиналам.

«Венецианский» вариант ἀναβοῶντες подсказывает также возможный источник всех славянских версий: *ἀναβοῶμεν, который со словообразовательной точки зрения лучше соответствует славянскому *възъпниемъ/възъпниимъ*, представленному во всех ветвях традиции, чем опубликованное в качестве оригинала древнерусской версии *сучеѣбоѣмь* ‘букв.: совоззовём’. Разночтение *възъпниимъ/възъпниимъ* обусловлено паронимическим смешением на славянской почве. Форма *-боѣмь* является омонимичной и может выражать как индикатив, так и конъюнктив настоящего времени. В сопоставлении с формой повелительного наклонения *поутѣмь Зогр53* следует признать исконным индивидуальное чтение *възъпниимъ*, засвидетельствованное пока только единственным источником — древнерусской студийско-алексиевской служебной Минеей на октябрь [Ягич 1886: 180]. В этом случае все остальные славянские рукописи, как южнославянские, так и древнерусские, отражают общую ошибку — раннюю замену исконного *възъпниимъ* на *възъпниимъ*. Эта замена является либо результатом паронимического смешения на славянской почве без влияния греческого оригинала, либо ошибочного редактирования первоначального перевода по греческому тексту и последовавшей в связи с этим передачей омонимичного *ἀναβοῶμεν или *сучеѣбоѣмь* (конъюнктив или индикатив) формой уже не повелительного, а изъявительного наклонения.

В силу своих морфологических особенностей заслуживает внимания чтение *и пѣньми Ск*, и *пѣньми Пм72* (καὶ ὕμνοις). Окончание *-ми* во флексиях тв.п. мн.ч существительных **o/*jo-* и консонантной основ, представленное в канонических старославянских памятниках единичными примерами, особенно характерно для древнеболгарской

оригинальной и переводной гимнографии [Пичхадзе 2008: 160; Пичхадзе 2009: 303–304 (литература, примеры)]. Замена инновационного *пѣньми* на более нейтральное и уже не текстологически, но морфологически более древнее и исконное *пѣнии*, представленное в др.-р.=ДМ, имела место, возможно, уже на древнеболгарской почве. Во всяком случае, в древнерусском языке окончание тв.п. мн.ч. на *-ми* оказалось непродуктивным среди существительных **o/*jo*-основ, что является достаточным основанием для его замены на исконную флексию: «Несмотря на многочисленность примеров ТП на *-ми*, в подавляющем большинстве случаев все же использовались исконные формы на *ы/и* [...] С совокупность данных церковно-книжных, деловых и летописных текстов позволяет утверждать, что флексия *-ми* оказалась менее активной, чем флексии других падежей **и*-основ, маркированных в отношении рода» [Иорданиди, Крысько 2000: 92].

Неразрешённой загадкой версии *Зоґр53=Ск* является не имеющая греческого соответствия в доступных источниках фраза (*въ тѣ / во оупваемь*) *сѣдрьжен конце ѣдиноґо (ѣдине Ск)*, находящаяся также в ДМ. Само существование греческого оригинала у этой фразы проблематично: если бы он существовал, то строка увеличилась бы на целый колон, что абсолютно недопустимо для метрической модели *Уясни ми язык* (Τράνωσόν μου τήν γλῶσσαν)³⁹. Что касается морфологических особенностей этого фрагмента, то они соответствуют древнему периоду истории церковнославянского языка, в частности, раннему состоянию категории одушевлённости. В этой связи закономерно употреблена исконная форма вин. п. ед. ч. *тѣ* (**тѣ*), поскольку формы личных и возвратного местоимений *мѣ*, *тѣ*, *сѣ* в старославянских и древнерусских памятниках решительно преобладают над инновационными вин.=род. *мене*, *тебе*, *себе* [Крысько 1994: 127–133]. В отличие от форм личных местоимений, исконная форма вин. п. ед. ч. *ѣдинѣ* совпадала с формой им. п. ед. ч. и тем самым образовывала «номинативно-аккузативный синкретизм» [Крысько 1994: 127; ср. там же, стр. 136: «исконные формы ВП типа *добрь*, *и*, *тѣ* и т. п. без определяемого имени воспринимались, вероятно, как недостаточно ясные, неспособные отличить, допустим, *и* как субститут слова *столь* от *и* как заменителя слова *братѣ*], поэтому появление в версии *Зоґр53* или в её архетипе инновационной формы вин.=род. *ѣдиноґо* *столь* же закономерно, что и исключительное употребление уже в древнейших памятниках форм вин. = род. п. ед. ч. членных и местоименных прилагательных и причастий [Крысько 1994: 133–137]. Согласно ранее установленному и подтверждённому новей-

³⁹ См. метрику образцового текста и построенную по его образцу модель: МТ I 523, № XIV.

шим исследованием правилу, в старославянском языке употребление форм вин. п. = род. п. ед. ч. «у определенных (членных) форм прилагательных в роли дополнения „ne parait souffrir *aucune* exception“ (Meillet 1897, 16) [„кажется, не допускает *ни одного* исключения“]» [Крысько 1994: 133]. Более того, «заслуживает внимания явная склонность прилагательных, особенно постпозитивных, к использованию формы В=Р независимо от того, в какой форме стоит определяемое ими существительное или местоимение <...> Сходная картина зафиксирована и в старославянском языке: „L’adjectif qui sert de prédicat au pronom anaphorique *jī* ou à un pronom personnel... se met au génitif-accusatif“ (Meillet 1897, 48) [„Прилагательное, которое служит предикатом к анафорическому местоимению **И** или личному местоимению, ставится в родительном-винительном“]» [Крысько 1994: 134; там же примеры и четыре исключения: два в старославянском языке и два — в древнерусском].

И всё же, несмотря на грамматическую закономерность появления формы **единого**, выступающей в *Зогр53* в роли прямого объекта и однородного дополнения в одном ряду с **тѣ** (***тѣ**), её следует рассматривать как переосмысление исконного текста, выполненное, однако, с соблюдением древних грамматических правил. Осмысленное и целесообразное употребление второго однородного дополнения, отделённого от первого (**тѣ**=***тѣ**) инфинитивной конструкцией со значением цели (*избавитисѣ скръви и вѣды*) и причастным оборотом в функции обращения (*съдръжи конце*), маловероятно, поскольку в столь удалённой от первого однородного члена позиции оно неоправданно усложняет текст. Нужно поэтому признать, что более вероятным первоначальным чтением является вариант *Ск*, где мы находим не **единого**, а обращение **едине**, благодаря которому фраза получает осмысленное прочтение: «Ибо на тебя уповаем [в надежде] избавиться от опасностей и скорбей, о Содержащий концы [Земли], о Единый».

Выполненный анализ трёх славянских версий кондака вмч. Дмитрию позволяет установить несколько групп различий. В эти группы не включены отмеченные в критическом аппарате морфонологические варианты и такие индивидуальные ошибки отдельных рукописей, как паронимическое смешение, изменение порядка слов и пропуски.

1. «Общие ошибки» древнерусской версии и южнославянских свидетелей текста: а) изменение порядка слов: *Зогр53*=*ДМ*=*Пт72* *въ пѣснѣхъ вси* = др.-р. *въ пѣснѣхъъ вси* (в *Ск* *вси* нет) — *πάντες ἐν ὕμνοις* ‘все в песнях’; б) грамматическое переосмысление форм с напряжённым **ъ** перед **ј**: *Зогр53* *скръви и вѣды* = *ДМ* *вѣ/ды* и *скръви* = *Пт72* *вѣди* и *скръви* = др.-р. *вѣды* и *скръви* — *κινδύων καὶ θλίψεων* ‘бед и скорбей’.

Эта группа чтений доказывает, что все три древние славянские версии кондака вмч. Димитрию восходят к одному архетипу.

2. Общие чтения всех южнославянских рукописей, противопоставленные древнерусским: ю.-слав. храбра х̄ва ѿка — др.-р. хравьра х̄ва и м̄чка ($\omega\varsigma \delta\pi\lambda\acute{\iota}\tau\eta\chi \text{Χριστοῦ καὶ μάχτυρα}$); рефрен: ю.-слав. пчвала (* καύχημα) — др.-р. штвьрженне ($\sigma\tau\acute{\eta}\rho\iota\gamma\mu\alpha$). Первое разночтение этой группы является вторичным переосмыслением архетипа, которое не мотивировано влиянием оригинала и отражает южнославянское «редактирование» среднеболгарского или древнесербского периода, предшествующее афонско-тырновской справе. Второе разночтение значимо для истории древнерусской версии потому, что оно, во-первых, находится в рефрене, т. е. в выразительной с риторической и музыкально-исполнительской точек зрения позиции, и, во-вторых, доказывает, что древнерусская версия появилась в результате справки по греческому оригиналу, отличавшемуся от того, на основе которого выполнены архетипы южнославянских версий Зогр53=Ск и ДМ=Пм72 .

3. «Текстологические приметы», или общие чтения, группы Пм72=ДМ , противопоставленные одновременно и Ск=Зогр53 , и др.-р.: а) Пм72=ДМ б̄оу (* $\Theta\epsilon\omicron\upsilon$) — Зогр53=Ск б̄жио (* $\Theta\epsilon\omicron\upsilon$) — др.-р. вогъ ($\Theta\epsilon\acute{o}\varsigma$); б) Пм72=ДМ ѡвагривь — др.-р. = $\text{Зогр53 ѡвагъри/ѡвагри}$, Ск прѣкоу̀красѡва ($\epsilon\lambda\omicron\sigma\phi\acute{\upsilon}\rho\omega\sigma\epsilon\nu$); в) Пм72=ДМ сънакдѣ — др.-р. нагъда — $\text{Зогр53=Ск под̄ръжитъ}$ ($\lambda\epsilon\gamma\acute{\epsilon}\lambda\omega\nu$). Пример а) вновь доказывает, что при составлении др.-р. версии проводилась сверка с греческим оригиналом, отличающимся от того, который лежит в основе архетипов южнославянских версий. Пример б) представляет собой, вероятнее всего, порчу, поскольку в данном случае из-за передачи личной формы оригинала причастием, или «второстепенным сказуемым» (А. А. Потехня), предложение лишается «главного сказуемого», выраженного личной глагольной формой. Среди характеристических чтений группы Пм72=ДМ нет ни одного, которое было бы обусловлено влиянием греческого оригинала, отличающегося от того, который был использован при составлении архетипа версии Зогр53=Ск . Пример а), однако, доказывает, что при наличии в данном случае общего оригинала для группы Зогр53=Ск и ДМ=Пм72 он был заново привлечён для редактирования славянского текста версии ДМ=Пм72 . Следовательно, появление архетипа ДМ=Пм72 сопровождалось сверкой с греческим текстом. Пример в) не является очевидным свидетельством редактирования текста по греческому оригиналу, однако, как было сказано, он отражает разное осмысление одного греческого слова, а не его искажение или паронимическое смешение. Оба случая, а) и в), важны потому, что они доказывают наличие двух ранних редакций: архетипа

ДМ=Пм72 и восходящей к нему, а не к архетипу *Зогр53=Ск*, древнерусской студийско-алексиевской. Это означает, что версия *ДМ=Пм72* не восходит к древнеболгарскому архетипу восточнославянской редакции и что студийско-алексиевская редакция не является копированием некоей древнеболгарской редакции. Древнерусская редакция представляет собой не копирование, а созданную на древнерусской почве с привлечением греческого оригинала осмысленную переработку более раннего древнеболгарского текста. Этим текстом является архетип версии *ДМ=Пм72*.

4. Чтения *Зогр53=Ск*, противопоставленные чтениям др.-р. и *Пм72=ДМ*: а) *течениемъ крове твоѣи* — *крѣвни твоихъ стрѣлами* (τοῖς τῶν αἰμάτων σου ῥέιθροις); б) *юже (иже Ск ← *иже) ты дасть дръ/жавоѣ* — *давъи ти държавѣ* (ὁ δοὺς σοι τὸ κράτος); в) *подържить* — *навѣдѣ* (περιέλων); г) *недвижимо/недвижимъ* (*ἄσειστος/ἄσειστον) — *неврѣдимъ/неврѣдимо* (ἄτροτον); д) *ты еси* — *еси*; е) *сѣгласно* (то же: *ДМ сѣгласно*) (συμφώνως) — *въ пѣсньхъ* (ἐν ὑμνοῖς). Примеры б), в), г), е) доказывают, что при появлении чтений версий др.-р. и *ДМ=Пм72* проводилась сверка с греческим оригиналом. В случаях г) и е) этот оригинал отличался от оригинала архетипа версии *Зогр53=Ск*. Наличие у архетипа версии *Зогр53=Ск* особого греческого оригинала подтверждается нижеприведенным примером (см. пункт 5).

5. Индивидуальные чтения *Зогр53*, восходящие к особому греческому оригиналу: *пучѣмъ* (τιπήσωμεν).

6. Чтения *Ск*, общие с *Пм72* и др.-р.: на *тѣ Ск=др.-р.=Пм72* — *въ тѣ Зогр53=ДМ* (εἰς σέ).

7. Индивидуальные чтения древнерусской октябрьской Минеи 1096 г. [Ягич 1886: 180], *Ск* или *Пм72* и общие чтения *Ск* и *Пм72*, отражающие особый греческий оригинал: *твоихъ Ск* = *твоихъ Пм72* (σου во всех греч. версиях, кроме [MR I]; в других версиях греч. σου и его слав. перевод отсутствуют); *вси Пм72* (πάντες; в других слав. версиях слова *вси* нет, что соответствует чтению версии [MV X] греческого текста); *възъпниимъ* [Ягич 1886] (*ἀναβοῶμεν?).

8. Контаминация разных вариантов греческого текста в *Зогр53=Ск* (=ДМ), причём один из вариантов (подчёркнутый) представлен только в этой группе, а второй — также в группе *Пм72=ДМ=др.-р.*: *въ пѣснехъ, сѣгласно* (=ДМ сѣгласно) — ἐν ὑμνοῖς TRM II, AK I, MR I; вариант: *συμφώνως MVX*; *дилитрига, пучѣмъ* — Δημήτριον TRM II, AK I, MR I *τιπήσωμεν MVX* = MR I.

9. Контаминация чтений *Зогр53* с другими источниками, отражающая разные греческие оригиналы: а) *Зогр53=ДМ вѣхъ сѣхъ мнѣ* = др.-р. *вѣхъ святыхъ мѣнѣ* — (πάντων τῶν ἁγίων μαρτύρων) σου ‘(всех святых мучеников) твоих’ (местоимение σου пропущено в соот-

ветствии с версией [MR I]); б) *Зогр53=ДМ=Ск* въ (*Ск на*) те во оупваимъ = др.-р. на та во оупваимъ — εἰς σὲ γὰρ ἐλπίζομεν (после γὰρ пропущено πάντες, как в версии [MV X]; ср. въси в *Пт72*).

10. Индивидуальные чтения *Ск*, восходящие к тому же оригиналу, что и чтения прочих списков, но отражающие его особое осмысление: прѣоѣрасова *Ск* (ἐλορφύρωσεν).

11. Индивидуальное чтение *Ск* при наличии переосмысленного без опоры на оригинал («испорченного») чтения в других списках: скръвиъ *Ск* (θλίψεων) (ср. пункт 1: скърви/скръви/скръви).

12. Индивидуальные чтения *Ск*, не поддающиеся надёжной классификации: ѣдинѣ (?).

13. Реконструированные на основе *Зогр53* и *Ск* чтения, восходящие к архетипу древнейшего перевода и не засвидетельствованные в таком виде ни в одной рукописи: *иже ти дастъ дръжавъ (ὁ δούς).

Сделанные наблюдения приводят к следующим выводам об истории изученного текста.

В древнерусских Кондакарях и служебных Минеях студийско-алекиевской редакции и в древнесербской и среднеболгарских служебных Минеях ранних редакций содержатся три версии перевода кондака. Благодаря «общим ошибкам» установлено, что все три редакции восходят к одному архетипу. Его появление предшествовало появлению древнерусской редакции, следовательно, архетип древнейшего славянского перевода кондака вмч. Димитрию был составлен в Первом Болгарском царстве. Ни одна южнославянская рукопись не является представителем хотя бы одной из древнеболгарских редакций *par excellence*. Южнославянские источники осложнены порчей, вторичным переосмыслением перевода без опоры на греческий оригинал и контаминацией ранних версий, в том числе разных вариантов греческого текста, чего не наблюдается в древнерусской версии. Значит, содержащийся в них текст появился раньше той эпохи, когда были созданы сами рукописи, т. е. до первой половины XIII в., которой датируется древнейший южнославянский источник текста кондака.

Выполнение богослужебных переводов, к тому же в двух редакциях, было невозможным в Болгарии в эпоху византийского господства (после 1018 г.) до начала XIII в. или даже после смерти царя Петра (969 г.), когда при Комитопулах вновь начались войны с Византией, безуспешные, в отличие от симоновской эпохи, и приведшие к уничтожению Первого царства, после чего само совершение славянского богослужения в Болгарии в течение XI–XII вв. стало проблематичным. По этим соображениям появление архетипов обеих южнославянских редакций кондака вмч. Димитрию следует датировать эпохой Первого Болгарского царства.

В основе архетипа редакции *Зогр53=Ск* и архетипа редакции *ДМ=Пм72* лежат разные греческие оригиналы. Об этом свидетельствуют разночтения *недвижилю/недвижимь* (*ἄσειστος/ἄσειστον) *Зогр53=Ск* — *неврѣдильгь/неврѣдимю* (ἄτρωτον) *ДМ=Пм72*=др.-р. В основе древнерусской студийско-алексиевской редакции лежит греческий оригинал, отличающийся от того, который был использован при составлении архетипов обеих южнославянских редакций. Об этом свидетельствует чтение *вогъ* (Θεός), отличающееся от чтений *вожю* или *бѡу* южнославянских рукописей, которые восходят к варианту *Θεοῦ, и чтение рефрена древнерусской редакции *ѡтѣбърженіи* (στήριγμα), отличающееся от чтения архетипов южнославянских редакций *похвала* (*καύχημα). Следовательно, архетипы трёх славянских редакций кондака вмч. Дмитрию появились в результате сверки по разным греческим оригиналам.

Сопоставление древнерусских источников с южнославянскими позволяет установить отношение древнерусской редакции к южнославянским. Случаи согласования групп *Зогр53=Ск* и др.-р. при наличии в них обеих правильного, а не испорченного чтения, отсутствуют (если группа *Зогр53=Ск* не содержит контаминированное чтение, отражающее влияние разных греческих оригиналов, один из которых соответствует древнерусской версии). В то же время группа древнерусских рукописей не содержит индивидуальных чтений при наличии порчи в параллельных местах южнославянских рукописей. Наконец, древнерусская версия содержит общие ошибки со всеми южнославянскими рукописями. Следовательно, древнерусская версия вторична по отношению к некоей южнославянской версии, однако она не восходит непосредственно к архетипу *Зогр53=Ск*. Значит, источником древнерусской версии является архетип *ДМ=Пм72*.

Важнейшим отличительным признаком техники перевода в архетипе группы *Зогр53=Ск* является перевод неличных (причастных) синтаксических конструкций оригинала с помощью личной конструкции — дополнительной предикативной части, представляющей собой относительное придаточное предложение с союзным словом **иже* и двумя однородными сказуемыми, выраженными личными формами глагола в соответствии с греческими причастиями. Трансформирующий перевод отредактирован в архетипе версии *ДМ=Пм72* в пользу большей точности в воспроизведении грамматических категорий оригинала. Элементы лексико-семантического парафраза прослеживаются в переводе метафор *ѣлорѣрѣошеѣн* — *прѣоуѣкрасова Ск* (*Бог церковь кровью мученика*) (ср. в других источниках перевод, соответствующий первому основному значению греческого слова: *οβαρι*) и *περιελεω* — *пѣдържить Зогр53=Ск* (ср. в других источниках варианты перевода, передающие

семантику корневой лексемы согласно основному значению, причём древнерусская версия точнее воспроизводит морфемную структуру греческого слова, отказываясь от имеющейся в версии *ДМ=Пт72* приставки *съ* со значением полноты действия: *сънагдѣ* *ДМ=Пт72* — др.-р. *навѣдѣ*). Древнерусская редакция кондака восходит к такой из двух более ранних древнеболгарских редакций, которая лексически, синтаксически и морфологически более точно передаёт греческий текст, т. е. к архетипу *ДМ=Пт72*. На Руси этот текст, однако, был заново отредактирован по другому греческому оригиналу с соблюдением языковых принципов более ранней редакции перевода.

С точки зрения типологии переводческой техники архетип версии *ДМ=Пт72*, точнее воспроизводящий оригинал, датируется более поздним временем, чем архетип *Зогр53=Ск*; вспомним ранее процитированные слова А. А. Алексеева: «Усиление буквальности последующих переводов можно рассматривать как универсальную тенденцию, известную многим древним литературам» [Алексеев 1999: 78]. Отмеченные в архетипе *Зогр53=Ск* элементы парафразы (передача причастных конструкций личными и контекстный перевод), устранённые в архетипе *ДМ=Пт72*, позволяют датировать появление архетипа *Зогр53=Ск* раннедревнеболгарским периодом, когда активно создавалась оригинальная славянская богослужебная поэзия: «Само создание оригинальных гимнографических сочинений, общехристианских по тематике и парафрастических по сути, исключает необходимость буквальных переводов существующих текстов» [Турилов, Флоря 2002: 419].

Сравнительный анализ трёх сохранившихся версий кондака вмч. Димитрию доказывает, что до появления древнерусской студийско-алексиевской редакции этого песнопения у него имелось две древнеболгарских редакции. Древнерусская версия восходит к той, более поздней, редакции, которая точнее воспроизводит оригинал и не содержит лексико-семантических и синтаксических трансформаций. Дальнейшие исследования должны показать, насколько полученные выводы актуальны для более представительного корпуса гимнографических текстов.

Источники *Славянские издания*

- Уст. Тип. I–III — Типографский Устав. Устав с кондакарем конца XI — начала XII века / Ред.: Б. А. Успенский. М., 2006. Т. I–III.
К II–VII — Der altrussische Kondakar⁷. Auf der Grundlage des Blagoveščenskij Nižgorodskij Kondakar⁷/ Hrsg. von A. Dostál, H. Rothe, unter Mitarbeit von

- E. Trapp und D. Stern. Bd. 2. Blagoveščenskij Kondakar'. Facsimileausgabe; Bd. 3. Das Kirchenjahr 1: September bis November; Bd. 4. Das Kirchenjahr 2: Dezember bis März; Bd. 5. Das Kirchenjahr 3: April bis August; Bd. 6: Triodion, Pentekostation. Giessen, Schmitz, 1976, 1977, 1979, 1980; Wien, Köln, Weimer, Wien, Böhlau, 1990; München, Otto Sagner, 2004 (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen / Hrsg. von H.-B. Harder, H. Rothe. Bd. 8, 2–6; Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik / Hrsg. von P. Thiergen. Bd. 19).
- К II–VII а₁ — Кондакарь; РГБ, ОИДР, № 107, XII в.; по основному тексту и по вар. в изд. К III–VII.
- К II–VII а₂ — Кондакарь; РНБ, Пог. 43 (фрагмент рукописи К III–VII а₁), XII в.; по основному тексту и по вар. в: [К III–VII].
- К II–VII б_{1,2} — «Типографский Устав», церковный Устав патриарха Алексия Студита и Кондакарь; ГТГ, К-5349, XI–XII вв.; по изд. и исслед.: [Успенский I–III; К III–VII].
- К II–VII в — В «Благовещенский, или Нижегородский, Кондакарь»; РНБ, Q п I 32 и ОГНБ (ОДНБ), Григ. № 1/93 (1 л.), (к. XII? —) нач. XIII в. (две части одной рукописи); по основному тексту и по вар. в [К III–VII] и по факсимильным изд.: [Бражников 1955; К II].
- К II–VII с — «Успенский Кондакарь»; ГИМ, Усп. 9, 1207 г.; по основному тексту и по вар. в [К III–VII] и по изд.: [Bugge 1960].
- К II–VII d — «Лаврский, или Троицкий, Кондакарь», к. XII–XIII вв., РГБ, ф. 304/I (ТСЛ), № 23; по основному тексту и по вар. в [К III–VII] и по изд.: [Myers 1994].
- К II–VII е — «Синодальный Кондакарь», ГИМ, Син. 777, XIII в.; по основному тексту и по вар. в [К III–VII].
- MD I–V — Gottesdienstmenäum für den Monat Dezember: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau. Historisch-kritische Edition, nach den slavischen handschriften der Rus' des 12. und 13. Jh. Besorgt und kommentiert von D. Christians et al. / Hrsg. von H. Rothe, E. M. Vereščagin. Teil 1: 1. bis 8. Dezember; Teil 2: 9. bis 19. Dezember Teil 3: 20. bis 24. Dezember einschließlich der Sonntage vor Christi Geburt; Teil 4: 25. bis 31. Dezember einschließlich des Sonntags nach Christi Geburt, mit einem Nachtrag griechischer Vorlagen für Hymnen aus den Bänden 1–3, zusammengestellt von D. Christians; Teil 5: Facsimile der Handschrift Sin. 162 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM), mit einer paläographischen Beschreibung von E. V. Šulgina. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1996, 1997, 1999, 2000; Paderborn, München, Wien, Zürich, Verlag Ferdinand Schöningh, 2006 (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 98, 99, 105, 106, 114. Patristica Slavica; Bd. 2, 3, 6, 7, 14 / Hrsg. von H. Rothe).
- MF I–IV — Gottesdienstmenäum für den Monat Februar: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition. Besorgt und kommentiert von D. Christians u. a. / Hrsg. von D. Christians, H. Rothe. Teil 1: 1. bis 9. Februar; Teil 2: 10. bis 19. Februar; Teil 3: 20. bis 29. Februar; Teil 4: Facsimile der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM), mit einer kodikologischen und paläographischen Beschreibung von E. V. Šulgina / Hrsg. von H. Rothe. Paderborn u. a., Schöningh, 2003, 2006, 2009, 2010 (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 109, 113, 120, 122; Patristica Slavica; Bd. 10, 13, 17, 18 / Hrsg. von H. Rothe).

Рукописи

- ДМ* — «Драганова Минея». Зогр. 54. Праздничная Минея на весь год, ср.-болг., к. XIII или XIV⁴⁰ в. [Райков et al. 1994: 52, № 54; Турилов, Мошкова 1999: 136–137, № 333; там же см. места хранения и шифры двух других фрагментов рукописи].
- Зогр 53* — Зогр. 53. Служебная Минея на январь, др.-сербск., сер. XIV в. [Райков et al. 1994: 44–45, № 53; Турилов, Мошкова 1999: 158, № 387].
- Пт 72* — РНБ, Ф п I 72, праздничная Минея на весь год, ср.-болг., XIII–XIV вв. [Каталог 2009: 63–65].
- Ск* — НБКМ 522, «Скопльская Минея», праздничная Минея со службами на сентябрь–май, ср.-болг., XIII в. [Цонев 1923: 52–53, № 522; Христова и др. 1982: 31, № 37].

Греческие издания

- AK I–II* — Кондакарий въ греческом подлиннике XII–XIII в. по рукописи Московской Синодальной библиотеки № 437 съ древнейшим Славянским переводом кондаковъ и икосов какие есть в переводе. [...] Труд архимандрита Амфилохия. М., 1879. Т. 1; 2 (Дополнение къ Кондакарию XII–XIII века).
- MR I–VI* — *Μηναῖα τοῦ ὄλου ἐνιαυτοῦ*. Т. I–VI. Ἐν Ῥώμῃ, 1888–1901.
- MT I–II* — *Sancti Romani Melodi Cantica* / Ed. by P. Maas, C. Trypanis. 2 vol. Vol. 1: cantica genuina. Oxford, 1963; Vol. 2: Cantica dubia. Berlin, 1970.
- MV X* — *Μηναῖον τοῦ Οκτωβρίου*. Ἐν Βενετίᾳ, 1863 (<http://analogion.gr/glt/texts/Oct/26.uni.htm>; <http://analogion.gr/music/lb/37-october>).
- TRM I–III* — Ῥωμανοῦ τοῦ Μελωδοῦ ὕμνοι, ἐκδιδόμενοι ἐκ πατριακῶν κωδίκων / Μετὰ προλεγομένων ὑπὸ Ν. Τωμαδάκη. Т. 1. Ἀθήναι, 1952; Т. 2. Ἀθήναι, 1954; Т. 3/1: Κοντακάρια τοῦ Σινᾶ / Ὑπὸ Ν. Λιβαδάρα. Ἀθήναι, 1957; Т. 3/2, Ἀθήναι, 1957.

Литература

- Алексеев 1999 — *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. Köln, Weimar, Wien, 1999.
- Баранов, Марков 2003 — Новгородская служебная минея на май (Путятина минея). XI век: Текст. Исследования. Указатели / Подг. В. А. Баранов, В. М. Марков. Ижевск, 2003 (http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=19&p_lid=1).
- Бражников 1955 — Благовещенский кондакаръ. Фотовоспроизведение рукописи / Изд. и вступ. статья: М. В. Бражников. Л., 1955.
- Верещагин 1997 — *Верещагин Е. М.* Особый парафраз канона на Рождество Христово в Декабрьской служебной минее конца XII — начала XIII вв. // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. 1997. Год. 21. № 4. С. 18–36.

⁴⁰ XIV в. — альтернативная и более возможная датировка, предложенная А. А. Туриловым в личной консультации.

- Верещагин 1999 — *Верещагин Е. М.* Дальнейшее исследование рождественского парафрастического канона Константина Преславского с иным прочтением концовки его акростиха // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. 1999. Год. 23. № 4. С. 25–40.
- Верещагин 2006 — Ильина книга. Древнейший славянский богослужебный сборник. Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Подг. Е. М. Верещагин. М., 2006.
- Верещагин, Крысько 1999а–б — *Верещагин Е. М., Крысько В. Б.* Наблюдения над языком и текстом архаичного источника — Ильиной книги // *Вопросы языкознания*. 1999а. № 2. С. 3–26; *Вопросы языкознания*. 1999б. № 3. С. 38–59.
- Владышевская 2006 — *Владышевская Т. Ф.* Музыкальная культура Древней Руси. М., 2006.
- Владышевская 2007 — *Владышевская Т. Ф.* Типографский Устав и музыкальная культура Древней Руси XI–XII веков // *Типографский Устав. Устав с кондакарем конца XI — начала XII века* / Ред.: Б. А. Успенский. Т. III. М., 2006. С. 111–201.
- Иорданиди, Крысько 2000 — *Иорданиди С. И., Крысько В. Б.* Множественное число именного склонения (= Историческая грамматика древнерусского языка. Т. I / Ред.: В. Б. Крысько). М., 2000.
- Йовчева 2002 — *Йовчева М.* Гимнографическое наследие кирилло-мефодиевских учеников в русской книжности // *Древняя Русь: (Вопросы медиевистики)*. 2002. № 8/2. С. 100–112.
- Йовчева 2004 — *Йовчева М.* Солунский Октоих в контекста на южнославянските Октоиси до XIV в. (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 16). София, 2004.
- Йовчева 2008 — *Йовчева М.* Возникновение служебных миней: общие гипотезы и текстологические факты // *Scripta & e-Scripta*. Vol. 6. 2008. С. 195–232.
- Йовчева 2009 — *Йовчева М.* Об одной словообразовательной модели в ранних гимнографических текстах (глаголы с суффиксами -ова-/-ева-) // *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* / Hrsg. von D. Christians, D. Stern, V. S. Tomelleri (= *Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*. Bd. 3 / C. Voß). München, 2009. С. 209–228.
- Карабинов 1910 — *Карабинов И.* Постная Триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб., 1910 (<http://www.mzh.mrezha.ru/books.php#IAKar>).
- Каталог 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. М., 1984.
- Каталог 2009 — Славянские рукописи болгарского происхождения в Российской Национальной библиотеке — Санкт-Петербург / Сост.: Б. Христова, В. Загребин, Г. Енин, Е. Шварц. София, 2009.
- Кожухаров 1983/2004 — *Кожухаров С.* Константин Преславски. Канон за архистратига Михаил // *Кожухаров С.* Проблеми на старобългарската поезия. София, 2004. С. 45–59 (впервые: Пъти достойт архистратига. Новооткрито произведение на Константин Преславски // *Литературознание и фолклористика*. В чест на 70-годишнината на академик Петър Динеков. София, 1983. С. 59–62).

- Кожухаров 1984/2004 — *Кожухаров С.* Химнописец Наум Охридски // Кожухаров С. Проблемы на старобългарската поезия. София: Издателски център «Боян Пенев», 2004. С. 33–44 (впервые: Песенного творчество на старобългарския книжовник Наум Охридски // Литературна история. 1984. № 12. С. 3–19).
- Кожухаров 2004 — *Кожухаров С.* Проблемы на старобългарската поезия. София, 2004. С. 45–59.
- Крашенинникова 2006 — *Крашенинникова О. А.* Древнеславянский Октоих св. Климента, архиеп. Охридского: По древнерусским и южнославянским спискам XIII–XV веков. М., 2006.
- Кривко 2008 — *Кривко Р. Н.* Синайско-славянские гимнографические параллели // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2008. № 1 (11). С. 56–102 (<http://pstgu.ru/download/1222152433.krivko.pdf>).
- Крысько 1994 — *Крысько В. Б.* Развитие категории одушевленности в русском языке. М., 1994.
- Крысько 2004 — *Крысько В. Б.* Комментарии и указатели // Соболевский 2004/1884. С. 3–96 (третья пагинация).
- Крысько 2005 — Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание, подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. М., 2005.
- Крысько 2008 — *Крысько В. Б.* Рецензия на: [Уст. Тип. I–III] // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 136–146.
- Крысько 2010 — *Крысько В. Б.* Древнеславянский канон первоучителю Кириллу: источники и реконструкция (песнь пятая) // Die Welt der Slaven. 2010. LV/1. С. 117–147 (<http://www.ruslang.ru/doc/krysko2010.pdf>).
- Крысько 2010a — *Крысько В. Б.* Копиємъ словесьъ ти: К реконструкции древнейшего канона Кириллу Философу // Пъние мало Георгию. Сборник в чест на 65-годишната на проф. дфн Георги Попов / Отг. ред.: М. Йовчева. София, 2010. С. 48–66.
- Куюмджиева 2010 — *Куюмджиева С.* Триодът Vaticanus Graecus 771 // Пъние мало Георгию. Сборник в чест на 65-годишната на проф. дфн Георги Попов / Отг. ред.: М. Йовчева. София, 2010. С. 521–536.
- Максимович 2004 — *Максимович К. А.* Законъ судьный людьмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.
- Максимович 2006 — *Максимович К. А.* Трансформации неличных конструкций византийского «Шестоднева» в переводе Иоанна экзарха болгарского: (Опыт количественного описания) // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 113–128.
- Матејко 2003 — *Matejko L.* Вопросы исследования древнейшей славянской гимнографии: (Ирмосы: разночтения и история текста) // XIII. medzinárodný zjazd slavistov v Lubľane. Príspevki slovenských slavistov. Bratislava, 2003. С. 21–48.
- Матејко 2007 — *Matejko L.* Ирмосы в славянских минеях XI–XIV вв. // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.–10. Juni 2005 / Hrsg. von H. Rothe, D. Christians (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 117. Patristica Slavica. Bd. 15 / Hrsg. von H. Rothe). Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007. С. 27–49.
- Момина 1992 — *Момина М. А.* Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // Труды Отдела древнерусской

- литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (= ТОДРЛ). Санкт-Петербург, 1992. Т. XLV. С. 200–219.
- Мурьянов 1998–2000 — *Мурьянов М. Ф.* Путятина Минея на май (1–9 мая), подг. текста и параллели М. Ф. Мурьянова // *Palaeoslavica*. Vol. VI. 1998. С. 114–208; Путятина Минея на май (10–17 мая), подг. текста и параллели М. Ф. Мурьянова // *Palaeoslavica*. Vol. VII. 1999. С. 136–217; Путятина Минея на май (18–31 мая), подг. текста и параллели М. Ф. Мурьянова // *Palaeoslavica*. Vol. VII. 2000. С. 123–221.
- Мурьянов 2003 — *Мурьянов М. Ф.* Гимнография Киевской Руси. М., 2003.
- Нечунаева 1998 — *Нечунаева Н. А.* Майская Минея и рукопись Q.p.I.25 из собрания А. Ф. Гильфердинга // *Русь и южные славяне: Сборник статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987)*. Санкт-Петербург, 1998. С. 329–339.
- Нечунаева 2000 — *Нечунаева Н. А.* Минея как тип славяно-греческого средневекового текста (= Tallinna pedagogikaülikoli humantaartea-duste dissertatsioonid, 3), Tallinn.
- Никифорова 2005 — *Никифорова А. Ю.* Проблема происхождения служебной минеи: структура, состав, месящеслов греческих миней IX–XII вв. из монастыря святой Екатерины на Синае. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Никифорова 2010 — *Никифорова А. Ю.* Рождение Минеи: Греческие Минеи IX–XII вв. // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Сер. III: Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 103–122 (<http://pstgu.ru/scientific/periodicals/bulletin/III/archives/articles/22/>).
- Пентковский 2001 — *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. Москва, 2001.
- Пентковский 2007 — *Пентковский А. М.* Славянское богослужение и славянская гимнография византийского обряда в X веке // *Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. Beiträge einer internationalen Tagung Bonn, 7.–10. Juni 2005* / Hrsg. von H. Rothe, D. Christians (= *Abhandlungen der Nordrheinwestfälischen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 117. *Patristica Slavica*. Bd. 15 / Hrsg. H. Rothe). Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007. С. 16–26.
- Пичхадзе 2008 — *Пичхадзе А. А.* Южнославянские традиции в древнерусской письменности (лексика и грамматика) // *Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов*. (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.). Доклады российской делегации / Отв. ред.: А. М. Молдован. М., 2008. С. 152–172.
- Пичхадзе 2009 — *Пичхадзе А. А.* О языковых особенностях славянских служебных миней // *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag* / Hrsg. von D. Christians, D. Stern, V. S. Tommelleri (= *Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*. Bd. 3 / C. Voß). München, 2009. С. 297–308.
- Пожидаева 2007 — *Пожидаева Г. А.* Певческие традиции Древней Руси. Очерки теории и стиля. М., 2007.
- Попов 1985 — *Попов Г.* Триодни произведения на Константин Преславски (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 2). София, 1985.
- Попов 1994 — *Попов Г.* Следи от разпространението на Наумовия Канон за св. апостол Андрей // *Старобългарска литература*. Кн. 28–29. 1994. С. 10–22.

- Попов 1997 — *Попов Г.* Новооткрит канон на Константин Преславски с тайнописно поетическо послание // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. 1997. Год. 21. № 4. С. 3–17.
- Попов 1998 — *Попов Г.* Канон за Рождество Христово от Константин Преславски // *Palaeobulgarica* = Старобългаристика. 1998. Год. 22. № 4. С. 3–26.
- Попов 2003 — *Попов Г.* Канонът за св. апостол Андрей от Наум Охридски в Хлудовия празничен миней № 166 // Пъти достоить. Сборник в памет на Стефан Кожухаров/ Ред. колл.: А. Милтенова, Е. Тончева, С. Бърлиева. София, 2003. С. 15–24 (+ 2 илл.).
- Попов 2010 — Пъние мало Георгию. Сборник в чест на 65-годишната на проф. д-р. Георги Попов / Отг. ред.: М. Йовчева. София, 2010.
- Райков и др. 1994 — *Райков Б., Кожухаров С., Миклас Х., Кодов Х.* Каталог на славянските ръкописи в библиотеката на Зографския манастир в Света Гора. София, 1994.
- Речник 2003 — Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели / Ред.: М. Аргировски. Скопје, 2003.
- СДРЯ I–VIII — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. I–VIII. М., 1988–2008—.
- Сергий I–III — *Сергий (Спаский), архиеп.* Полный месяццелов Востока. Т. I–III. Владимир, 1901 (репринт: М., 1997).
- Соболевский 2004/1884 — *Соболевский С. А.* Очерки из истории русского языка // Соболевский С. А. Труды по истории русского языка. Т. 1: Очерки из истории русского языка. Лекции по истории русского языка / Предисл. и коммент. В. Б. Крысько. М., 2004. С. I+III, 1–247 (первая пагинация).
- Станчев, Йовчева 2003 — *La poesia liturgica slava antica.* XIII Congresso Internazionale degli Slavisti (Lubiana, 15–21 Agosto 2003). Blocco tematico n° 14. Relazioni / A cura di K. Stanchev, M. Yovcheva (= Древнеславянская литургическая поэзия. XIII Международный съезд славистов [Люблина, 15–21 августа 2003]. Тематический блок № 14. Доклады / Сост.: К. Станчев, М. Йовчева). Roma, Sofia, 2003.
- Станчев, Попов 1988 — *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски: живот и творчество. София, 1988.
- Суботин-Голубовић 1995 — *Суботин-Голубовић Т.* Упоредно проучавање структуре српских и византијских минеја старијег периода // П. Ивић (ур.). Проучавање средњовековних јужнословенских рукописа. Београд. С. 439–446.
- Турилов 2000 — *Турилов А. А.* После Климента и Наума: (Славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X — первой половине XIII в.) // Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000. С. 76–162.
- Турилов 2006 — *Турилов А. А.* К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской рукописной традиции (На материале минейных служб) // Старобългарска литература. Кн. 35–36. 2006. С. 22–37.
- Турилов 2006а — *Турилов А. А.* К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия в составе славянского Требника: (Предварительные наблюдения над южнославянской рукописной и старопечатной традицией) // *Slavica medievialia in memoriam Francisci Venceslai Mareš* / Hrsg.: J. Reinhart (= Schriften über Sprachen und Texte. Bd. 8 / Hrsg. von G. Holzer). Frankfurt am Main u. a., 2006. С. 107–123.

- Турилов, Мошкова 1999 — Турилов А. А., Мошкова Л. В. Славянские рукописи афонских обителей / Под ред. А.-Э. Н. Тахиаоса. Фессалоники, 1999.
- Турилов, Флоря 2002 — Турилов А. А., Флоря Б. Н. Христианская литература у славян в середине X — середине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / Отв. ред.: Б. Н. Флоря. М., 2002. С. 398–458.
- Успенский 1973/1997 — Успенский Б. А. Древнерусские кондакари как фонетический источник // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. III: Общее и славянское языкознание. М., 1997. С. 209–246 (впервые: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов [Варшава, август 1973 г.]: доклады советской делегации / Ред.: С. Б. Бернштейн. М., 1973. С. 314–346).
- Флоря 2000 — Флоря Б. Н. Славянская письменность в конце IX–X в. // Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. С.-Петербург, 2000. С. 5–27.
- Христова и др. 1982 — Христова Б., Караджова Д., Икономова А. Български ръкописи от XI до XVIII век, запазени в България. Своден каталог. Т. I. София, 1982.
- Христова-Шомова 2009 — Христова-Шомова И. Две южнославянские минеи в сравнении с новгородскими минеями // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 4. С. 44–62 (http://drevnyaya.ru/vyp/2009_4/part_5.pdf).
- Христова-Шомова 2009а — Христова-Шомова И. Един старобългарски празник миней: (Кирилската палимпсестна част на апостол № 880 от НБКМ) // Palaeobulgarica=Старобългаристика. Год. 33. 2009. № 2. С. 16–38.
- Христова-Шомова 2010 — Христова-Шомова И. Новгородските минеи и Зографският миней № 53 (I.e.7) // Пъние мало Геωργию. Сборник в чест на 65-годишната на проф. дфн. Георги Попов / Отг. ред.: М. Йовчева. София, 2010. С. 117–140.
- Цонев 1923 — Цонев Б. Опис на славянските ръкописи в Софийската народна библиотека. Т. 2. София, 1923.
- Шеголева 2001 — Шеголева Л. И. Путятина Миней (XI век) в круге текстов и истолкования, 1–10 мая. М., 2001.
- ЭСЯ 1–36 — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 1–36. М., 1974–2010—.
- Ягич 1886 — Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь, в церковно-славянском переводе, по русским рукописям 1096–1097 годов / Труд И. В. Ягича (= Памятники древнерусского языка. Т. I). СПб., 1886.
- Birkfellner II–III 2006 — Birkfellner G. Ἀνθολόγιον λειτουργικόν. Цвѣтословь службьбныи. Codex Hankenstein. Codex Vindobonensis slavicus 37. Altukrainisches liturgisches Anthologion des 13.–14. Jh. Textus manuscriptus linguae ecclesiastico-slavonicae versionis ucrainicae (parvorossicae) saeculi XIII–XIV. Bd. II: Neutestamentliche Perikopen; Bd. III: Μηνολόγιον. Мѣсацесловь. Liturgischer Festkalender für den Jahreszyklus der unbeweglichen Feste (= Münstersche Texte zur Slavistik. Bd. 2, 3 / Hrg. von G. Birkfellner, B. Symanzik). Berlin, 2006–2007.
- Bugge 1960 — Contacarium Palaeoslavicum Mosquense / Edendum curavit A. Bugge (= Monumenta Musicae Byzantinae / Ed. C. Høeg et al. T. VI). Copenhagen, 1960.
- Cavalieri 1923 — Codices Vaticani Graeci, recensuerunt I. Mercatti, bibliothecae Vaticanae praefectus, et P. F. de' Cavalieri, scriptor. T. I. Codices 1–329. Romae, MCMXXIII.
- Christians 2001 — Christians D. Wörterbuch zum Gottesdienstmenäem für den Monat Dezember slavisch–griechisch–deutsch nach ostslavischen Handschriften des

12. und 13. Jahrhunderts mit einem Glossar griechisch—slavisch (= Abhandlungen der Nordrhein-westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 107. *Patristica Slavica*. Bd. 8 / Hrsg. von H. Rothe). Wiesbaden, 2001.
- Christians 2006 — *Christians D.* Zur Dreifachübersetzung des Kanons für Methodius von Patara im ostslavischen Gottesdienstmenäum // *Iter philologicum*. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag / Hrsg. von D. Bunčić, N. Trunte (= Die Welt der Slaven. Sammelbände. Сборник / Hrsg. von P. Rehder, I. Smirnov). München, 2006. S. 183–196.
- Devreesse 1950 — *Codices Vaticani graeci*. T. III. Cod. 604–866 / Recensuit R. Devreesse. Bibliotheca Apostolica Vaticana, 1950.
- Devreesse 1955 — *Devreesse R.* Les manuscrits grecs de l'Italie méridionale (histoire, classement, paléographie) (= *Studi e testi*, 183). Città del Vaticano, 1955.
- Floros 2009 — *Floros C.* The Origins of Russian Music. Introduction to the Kontakian Notation / Revised, translated, and with a chapter on relationships between Latin, Byzantine and Slavonic Church music by Neil L. Moran. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2009.
- Follieri I–V(1/2) — *Follieri H.* Initia hymnorum Ecclesiae Graecae. Vol. I–V(1/2) (= *Studi e testi*, 211–215bis). Città del Vaticano, 1960–1966.
- Hahn 1968 — *Hahn J.* Die Verse in den Novgoroder Hirmologionfragmenten (Ton I und II) // *Die Welt der Slaven*. 1968. [Bd.] XIII. S. 423–451.
- Hannick 2009 — *Hannick Ch.* Le Kontakion dans l'histoire de la musique ecclésiastique byzantine // *Ostkirchliche Studien*. 2009. Bd. 58, Hf. 1. P. 57–66.
- Kamp 2010 — *Kamp A.* Kliment von Ohrid (Klemens von Achrida) — Kanones für das Commune Sanctorum. Studie und Text, Materialien (= Münstersche Texte zur Slavistik. Bd. 5 / Hrsg. von G. Birkfellner, B. Symanzik). Berlin, 2010.
- Keller 1973 — *Keller F.* Das Kontakion aus der ersten Služba für Boris und Gleb // *Schweizerische Beiträge zum VII. Internationalen Slavistenkongreß in Warschau, August 1973* (= *Slavica Helvetica* 7). Luzern, Frankfurt a. Main, 1973. S. 65–73.
- Keller 1977 — *Keller F.* Die russisch-kirchenslavische Fassung des Weihnachtskontakions und seiner Prosomoia (= *Slavica Helvetica* 9). Bern, Frankfurt a. Main, Las Vegas, 1977.
- Keller 1978 — *Keller F.* Die slavischen Fassungen des 'Akathistos' // *Schweizerische Beiträge zum VIII. Internationalen Slavistenkongreß in Zagreb und Ljubljana, September 1978* (= *Slavica Helvetica* 12). Bern, Frankfurt a. Main, Las Vegas. 1978. S. 87–103.
- Keller 1981 — *Keller F.* Die Leningrader Kondakar'-Blätter // *Colloquium Slavicum Basiliense*. Gedenkschrift für Hildegard Schroeder, Bern usw (= *Slavica Helvetica* 16). 1981, S. 315–323.
- LSJ — *A Greek-English Lexicon / Comp. by H. G. Liddell, R. Scott, rev. and augm. by Sr. H. S. Jones with the assistance of R. McKenzie*. 9th ed. with a rev. supplement. Oxford, 1996.
- Marti 1989 — *Marti R.* Handschrift — Text — Textgruppe — Literatur. Untersuchungen zur inneren Gliederung der frühen Literatur aus dem ostslavischen Sprachbereich in den Handschriften des 11. bis 14. Jahrhunderts (= Veröffentlichungen der Abteilung für Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts [Slavisches Seminar] an der Freien Universität Berlin. Bd. 68 / Begr. von M. Vasmer, hrsg. von F. Otten, K.-D. Seemann, J. Striedter). Berlin, Wiesbaden, 1989.
- Meyer 1886 — *Meyer W.* Anfang und Ursprung der lateinischen und griechischen rhythmischen Dichtung (= Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Bd. XVII). München, 1886.

- Meyer 1896 — *Meyer W.* Pitra, Mone und die byzantinische Strophik // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 25. 1896. S. 49–66.
- Momina 1990 — *Momina M. A.* Zum Problem der Korrektur slavischer gottesdienstlicher hymnographischer Bücher in der Rus' des XI Jh. // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 50, Heft 1. S. 16–49.
- Momina 2004 — *Momina M. A.* Einführung // Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.–14. Jahrhunderts. Teil I: Vorfastenzeit. Hrsg. von M. A. Momina, N. Trunte (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 110. *Patristica Slavica*. / Hrsg. von H. Rothe. Bd. 11). Paderborn, München, Wien, Zürich, 2004. S. *3–*283.
- Myers 1994 — *The Lavrsky Troitsky Kondakar* / Ed. by G. Myers (= *Monumenta Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia*. T. IV). Sofia, 1994.
- Myers 2009 — *Myers G.* A Historical, Liturgical and Musical Exploration of Kondakarnoe Penie: The Deciphering of a Medieval Slavic Enigma. Sofia, 2009.
- Rothe 1988 — *Rothe H.* Südslavische Kontakien in ihrem Verhältnis zum ostslavischen Kondakar // Slavistische Studien zum X. internationalen Slavistenkongress in Sofia 1988 / Hrsg. von R. Olesch, H. Rothe. Köln, Wien, 1988. S. 489–504.
- Rothe 1993 — *Rothe H.* Ost- und südslavische Kontakien als historische Quellen // *Millenium Russiae Christianae. Tausend Jahre Christliches Russland 988–1988* / Hrsg. von G. Birkfellner (= Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der Slawischen Studien. Bd. 16). Köln, Weimar, Wien, 1993. S. 239–261.
- SJS I–IV — *Slovník jazyka staroslověnského*. T. I–IV. Praha, 1966–1997 (репринт: СПб., 2006).
- Stern 2002 — *Stern D.* Variation in Mehrfachübersetzungen von Theotokia in altrussischen Gottesdienstmenäen // Die Übersetzung als Problem sprach- und literaturwissenschaftlicher Forschung in Slavistik und Baltistik: Beiträge zu einem Symposium in Münster, 10.–11. Mai 2001 / Hrsg. von B. Symanzik, G. Birkfellner, A. Sproede (= Studien zur Slavistik. Bd. 1). Hamburg, 2002. S. 167–184.
- Večerka 1993 — *Večerka R.* Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Bd. Die innere Satzstruktur (= *Monumenta linguae Slavicae dialecti veteris*. T. XXXIV (XXVII, 2) / Ed.: R. Aitzetmüller, L. Sadnik, E. Weyher). Freiburg i. Br., 1993.
- Παπαδόπουλος-Κεραμεύς 1894 — Ἄ. Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας. Πετρούπολις, 1894.
- Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου 1996 — *Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου E.* Ταμείον ἀνεκδότων βυζαντινῶν ἁσματικῶν κανόνων seu *Analecta Hymnica Graeca e Codicibus eruta Orientis Christiani*. 1. Κανόνες Μηναιῶν. Ἀθήναι, 1996.